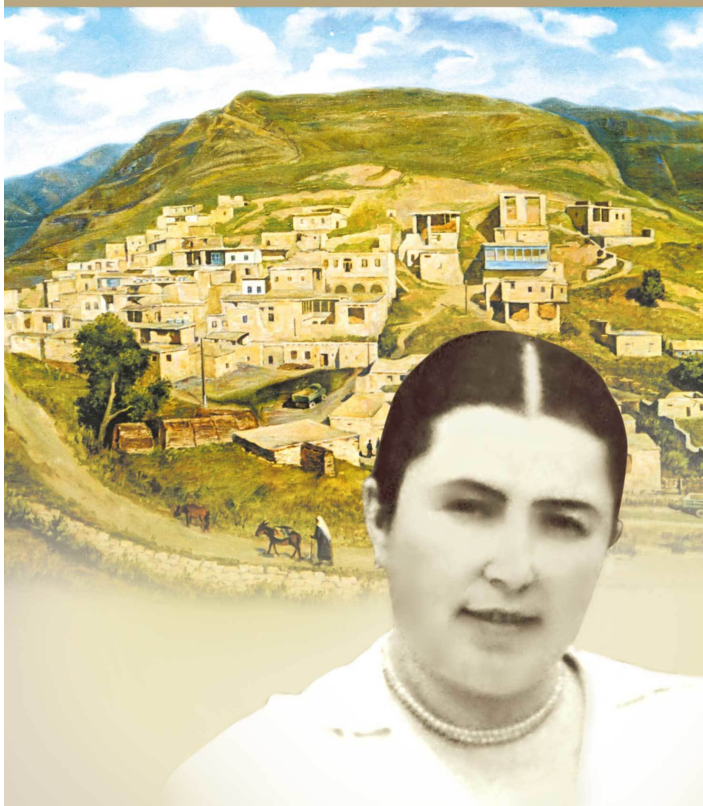

Мария Убранилова

РОМАНЫ

Мал золотник... • Туман спустился с гор

Мариам Ибрагимовна Ибрагимова
Мал золотник...;
Туман спустился с гор
Серия «Мариам Ибрагимова. Собрание
сочинений в 15 томах. Том», книга 6

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33393815

Собрание сочинений: в 15 т., Т. 6: Мал золотник...; Туман спустился с гор: романы. / М.И. Ибрагимова: Белый город; Москва; 2017

ISBN 978-5-906727-02-2

Аннотация

На примере семьи горцев Мариам рассказывает в романе «Мал золотник...» о прошлом и настоящем Дагестана, борьбе нового со старым, показывает становление новой жизни в Стране гор.

В центре романа «Туман спустился с гор» – трудная судьба горянки. Несмотря на жизненную драму, она остаётся духовно чистой, продолжая верить в добро и искренность человеческих отношений.

Содержание

Мал золотник...	6
Глава первая	6
Глава вторая	33
Глава третья	57
Глава четвёртая	84
Глава пятая	112
Конец ознакомительного фрагмента.	128

Мариам Ибрагимова

Мал золотник...; Туман спустился с гор: романы

Благотворительный фонд имени Мариам Ибрагимовой

Собрание сочинений в пятнадцати томах
Том 6

Мал золотник...

Туман спустился с гор

Романы

Авторский проект Рустама ИБРАГИМОВА

Мал золотник...

Роман

Глава первая

Али-Султан несколько раз присел, разводя руки в стороны, прошёлся по крыше сакли, глянул на открытую веранду соседнего дома:

– Доброе утро, почтенный Амир-Ашраф! Как спалось? Хорошо ли себя чувствуешь?

Седобородый старик, закутанный в овчинную шубу, приподнял голову с подушки:

– Благодарю, брат мой. Чувствую себя уже лучше, спал спокойно. Видно, покидает хворь моё бренное тело, не спешит Всевышний отправить мою душу в вечное царство блаженства праведных.

– И слава Аллаху, что не спешит. Живи, Амир-Ашраф. Тебе ведь и на этом свете неплохо живётся.

Амир-Ашраф сдвинул ночной колпак со лба на затылок и, прищулив глаза, сказал с улыбкой:

– Оно и правда, будь на то моя воля, пожил бы ещё с удовольствием: не лишился интереса к суеде вселенной, да и с близкими друзьями, такими, как ты, расставаться не хочется. Вот в годы войны, когда с полей брани долго не шли вести от сыновей моих и мир казался тесным, хотелось покинуть этот свет. Но теперь, когда на душе легко и природа сияет всеми красками, хотя и стал я немощным, не хочется умирать.

– Мечтательный ты человек, Амир-Ашраф. Не муллой тебе следовало быть, а поэтом.

– Истину говоришь, брат мой. Люблю жизнь, людей и по мечтать люблю. Мечты и добро душ людских поддерживают тепло моего сердца. Мог, конечно, я стать и ашугом. Был ведь у меня в юности голос, звенящий как струна. Немудрено было научиться играть на чонгури и влюбиться в какую-нибудь красавицу... Но, к счастью, вовремя оценил я свои достоинства и недостатки и, не ропща на судьбу, сделал то, что должен был сделать каждый на моём месте.

Али-Султан хорошо понял смысл слов своего друга-сосе-

да. Почти вся жизнь Амира прошла у него на глазах. Хороший, душевный человек. Вот только ростом обделил его Аллах. Приземистый, худенький, он всегда выглядел каким-то болезненным. В детстве сверстники называли его Малышом. Но позднее появилось у него другое прозвище – Ашраф, которое прочно прижилось к его имени.

«Ашраф» от слова «ашрафи» – золотой, золотая монета. Не зря говорят: «Мал золотник, да дорог». Все горцы уважают Амира за его душевность, острый ум, за его доброту, чуткость...

– Что это ты, брат мой, так рано встал? – нарушил молчание Амир-Ашраф.

– Да вот хочу посмотреть на Медвежий хребет: не висят ли над его вершиной тучи?

Все жители аула хорошо знали эту приметку: если с утра над Медвежьим хребтом клубятся облака, значит, день будет дождливый.

– Не будет сегодня дождя, – уверенно сказал Амир-Ашраф и вздохнул. – Очень жаль, не мешало бы увлажнить пахотные участки на склонах гор.

– Да, от весенних дождей зависят осенние дары наших земель, – вздохнул и Али-Султан. – Но я сейчас тревожусь о другом. Моя старуха собирается в город за покупками и не знает, что надеть в дорогу.

– На чём поедет?

– На колхозной машине.

– Пусть одевается потеплее, в кузове и в летнюю пору продувает ветерок. Знаешь ведь, что старая поговорка гласит: «Собравшись даже в близкий путь, бурку и хлеба взять не забудь».

– Это верно. Ну, пойду провожу ее. – Али-Султан стал осторожно спускаться во двор по каменным ступенькам.

Аул был ещё погружён в сладкую утреннюю дремоту. Дома, прижавшись к южному склону горы, смотрели окнами на широкую долину. На западе долина соединялась с ущельем, из которого лениво тянулась вверх лёгкая кисея белого тумана. Под лазурным куполом чистого неба, словно погашенный плафон, висела бледная луна. На востоке за зубчатым частоколом горных вершин занималась заря. Майский воздух был чист и напоен ароматами горных трав.

На севере за аулом поднимались величественные горы Дагестана. На юго-востоке расстилались прикаспийские степи знойного Азербайджана. На юго-западе зеленели солнечные долины и поля Грузии.

Амир-Ашраф смотрел на свой аул, любовался окружающей природой и чувствовал, как его немощное тело наполняется силой; глаза оживились, заблестели, на бледных, бескровных губах заиграла улыбка.

Амиру-Ашрафу не довелось поездить по белому свету – всё время жил в ауле, лишь изредка бывал в городе, – но он был уверен, что нет в мире краше и благодатней уголка,

чем этот, где прошли его детство, юность, где незаметно подкралась и старость. Хотя о какой старости может идти речь? Разве в семьдесят лет горец может быть стариком? О нет, до старости ещё далеко...

Амир-Ашраф, хотя и чувствовал себя хорошо, не торопился покидать постель. «Полежу еще час-другой, – решил он, – пусть тело набирается сил после болезни».

Нежась под тёплой шубой, он стал вспоминать прожитые годы. Как быстро они пролетели! Казалось, совсем недавно был он мальчишкой, бегал на занятия к мулле. А теперь сам – духовный предводитель аульчан. Семейный человек. Жена, дочь, два сына, которые, словно два крыла, поддерживают его дух на взлёте.

Аул просыпался, наполняя окрестности разноголосым шумом. Горланили петухи, мычали коровы, блеяли овцы, то в одном, то в другом дворе раздавались крики ишаков. Но Амир-Ашраф ничего этого не слышал. Он был погружён в свои думы.

Ему вспомнился тот далёкий день, когда он впервые по узенькой лесенке взбежал на минарет. Охваченный неопишимым трепетом, он посмотрел вокруг и с каким-то благоговением в голосе, волнуясь, произнёс слова молитвы. Ему казалось, что аул замер, слушая его речь, занесённую воинственными потомками Магомеда к подножиям величественных гор. Он чувствовал, как всё его тело охватывает лихорадочная дрожь. Внизу толпились пожилые люди, namного

старше его, а он стоял на минарете, рядом с «обителем Бога и святых». О юношеское тщеславие!..

В тот день по решению местного духовенства и с согласия старейшин аула он заменил заболевшего муэдзина Хаджи-Мусу. После окончания молитвы слышал, как сам мулла сказал отцу:

– О, Исмаил, твой Амир – настоящий ашрафи!

Ашрафи... Так впервые назвала его мать, когда он после успешного окончания среднего духовного училища вернулся домой. «О, мой ашрафи! – воскликнула тогда она. – Да будет сопутствовать тебе милость и благословение Аллаха!..»

Амир был единственным сыном в семье простых горцев. Послушный, смирный, и умом Бог не обделил. Одна беда – слишком маленьким, щупленьким он был. Когда ему исполнилось семь лет, он выглядел четырехлетним ребенком.

– Ни в пахари, ни в охотники не годится наш сын с такими ручонками и с такой силёнкой, – сокрушался не раз Исмаил.

– Ничего, – утешала его жена Фатима, – бывает, что ребёнок сначала растёт слабым, а потом вырастает джигитом.

Нет, не суждено было Амиру вырасти крепким и сильным.

– Исмаил, – сказал как-то сосед Ботта, – не огорчайся, не обязательно твоему сыну ходить за плугом. Давай научу его сапожному ремеслу. В этом деле большая сила не нужна. А на кусок хлеба он всегда себе заработает, голодным ходить не будет.

Долго думали о дальнейшей судьбе своего ребёнка Исма-

ил и Фатима и наконец согласились с Ботта. Стал ходить Амир в маленькую мастерскую соседа, что находилась при его доме. Вскоре научился он шить мужскую обувь из сыромятины – чарыки, самый ходовой товар в то время, женские чувяки из шевровой кожи и даже ичиги – лёгкие мужские сапожки из ворсовой бурки, отделанные хромовой кожей.

У сапожника Ботта рос сын Али-Султан. Высокий, стройный, брови – два чёрных крыла, нос длинный, с горбинкой. Орёл, да и только! Заниматься сапожным мастерством он отказался, и Ботта решил отдать его на обучение к мулле. Но Али-Султан не отличался прилежанием в учёбе. Когда он возвращался домой от мุลлы, Ботта брал в руки палку и заставлял его вслух заучивать буквы арабского алфавита и молитвы из Корана.

Амир сидел рядом на маленьком стульчике, занимался своим делом и внимательно слушал Али-Султана. Память у него была хорошая, цепкая. И он лучше, чем Али-Султан, запоминал буквы и молитвы.

– Надо же, – говорил Ботта, сердито глядя на сына, – Амир на два года моложе тебя, а уже и сапожное дело освоил, и в учёбе не отстаёт от тебя, хотя целыми днями сидит в мастерской и не ходит на занятия к мулле. Хватит бегать по улицам, драться с мальчишками и ездить на лошадях! Пора браться за ум. Ты уже не маленький...

Но ни убеждения, ни устрашения не подействовали на Али-Султана. Так и не научился он сапожному мастерству

и с превеликими муками вызубрил лишь несколько молитв из Корана.

Вскоре Амир сам попросил родителей, чтобы его отдали на обучение к сельскому мулле. Фатима поддержала сына.

– Повелитель мой, – обратилась она к мужу, – пути Всевышнего неисповедимы. Кто знает, может, Аллах, поскупившись на силу физическую, одарил нашего сына силой ума. Пусть учится грамоте. Чем больше знаний у человека, тем больше ему почёта. Он ведь один у нас...

– Хорошо, – согласился Исмаил.

Учёба Амиру давалась легко. За год он научился читать и писать.

– У мальчика необыкновенные способности, – сказал мулла Исмаилу, – советую продолжить его образование в медресе.

Медресе – среднее духовное училище – находилось в городе при соборной мечети. Не хотелось родителям отпускать сына из дому, но Амир уговорил их.

Повёз Исмаил сына в город с рекомендательным письмом сельского муллы к главному учителю – алиму. Тот прочёл письмо и, окинув критическим взглядом маленького Амира с ног до головы, сказал:

– Ну хорошо, пусть остаётся. Отведите к старосте двора, он выделит для него комнату.

Медресе Амир окончил с отличием. Муфтий, преподававший богословие, прощаясь с ним, посоветовал:

– Поступай в высшую духовную школу в Стамбуле. У тебя хорошая память, светлая голова.

О стамбульской академии Амир даже подумать не мог. Он знал, что родители, особенно мать, ни за что не согласятся отпустить его в чужую, далёкую страну. Да и где они возьмут столько денег?..

Вернулся Амир в родной аул. Встретили его аульчане с почестями. Усадили на лучшего коня. В гриву коня вплели ленты, украсили её газовыми платочками. Провезли Амира по всему аулу. Чтобы отметить этот семейный праздник, Исмаил зарезал барана, пригласил на обед старейшин аула, соседей.

Первый год после окончания медресе Амир переписывал Коран – все должности при мечети были заняты людьми почтенными, достигшими преклонного возраста. И только весной, когда заболел старый слепой муэдзин Хаджи-Муса, Амира назначили на его место.

Наступил 1914 год... Началась Первая мировая война. Двинулись конные сотни горцев на защиту земли русской. Двинулись вместе с казачьими полками и эскадронами при-сунженских равнин, Кубани и Дона. Ушёл добровольцем на фронт и юный сын сапожника Ботта Али-Султан, который к тому времени стал хорошим наездником. Амир-Ашраф продолжал исполнять обязанности сельского муэдзина.

Россия терпела поражения. Тревожные слухи доходили до

аула. Старики на годекане (площади) каждый день обсуждали военные события. И вдруг по аулу вихрем пронеслось новое известие – царь отрёкся от престола, в России революция.

...Поздней осенью вернулся с войны в родной аул Али-Султан. Отца он уже не застал в живых – сапожник Ботта скончался полгода назад.

С восхищением смотрел Амир-Ашраф на красивого, осанистого, возмужавшего товарища, статную фигуру которого облежала чёрная черкеска из тонкого сукна, а на голове едва держалась заломленная на затылок папаха. Во всём его облике чувствовалась лихая удаля и самоуверенность повидавшего жизнь воина.

Целый день шли люди к дому покойного Ботта, чтобы поздравить вдову с приездом сына. Степенные старики, чинно восседая на ковре, не перебивая друг друга и не торопясь, расспрашивали Али-Султана о положении на фронте, о революции, о жизни в далёких городах. Али-Султан, уставший после дороги, отвечал на вопросы скупой, отрывисто.

К вечеру гости стали расходиться. Амир-Ашраф тоже хотел было уйти, но Али-Султан сказал ему:

– Останься, поговорим ещё.

Когда Амир-Ашраф снова уселся на старый, потёртый ковер, Али-Султан достал из кармана белый носовой платок и, развернув его, подбросил на ладони Георгиевский крест.

– Этим крестом, – сказал он, улыбаясь, – я был награждён

за свой первый бой на берегу Двины.

– Почему же не носишь его на груди? – спросил Амир-Ашраф.

– Зачем? Что это даст? Ни к чему он мне теперь, – махнул рукой Али-Султан. Он помолчал немного, вздохнул. – В том бою я был ранен в голову. Месяц пролежал в госпитале. Потом выписался и вернулся в свою часть. Наш полк в то время стоял под Петроградом. Кругом неразбериха. Царь Николай отрёкся от престола. Солдаты стали покидать окопы и возвращаться домой. Я последовал их примеру. И вот приехал. А тут, в горах, оказывается, тоже творится неразбериха. Большевики, меньшевики, социалисты, эсеры, вместо Госдумы – горское правительство...

– В таких случаях лучше быть в стороне, не вмешиваясь ни во что, – сказал Амир-Ашраф.

– Нет, в стороне я не смогу быть.

– Что же ты думаешь делать?

– Пока не знаю, но буду держаться таких же простых, бедных людей, как сам. И тебе это же советую... Придётся, наверное, снова братья за оружие.

– Какой из меня вояка... Я ведь никогда не то что ружья, а даже и кинжала в руках не держал. Не дал мне Аллах силёнок, сам знаешь. Да и сердце у меня мягкое, жалостливое. Курицу зарезать не могу. А уж убить человека...

– А если поднимут оружие на тебя?

– За что? Разве я причинил кому-нибудь зло? А что каса-

ется власти, мне безразлично, какая будет власть. Лишь бы всё делалось по справедливости и законы не нарушались.

– Да-а, – осуждающе покачал головой Али-Султан, – тёмный ты человек, ничего не понимаешь в политике.

– Где уж мне понимать, – с обидой произнёс Амир-Ашраф.

– Ты не обижайся, я знаю, что ума тебе не занимать. Но пойми одно – ты не должен быть глух к надеждам обездоленных. Беда в том, что ты почти всю жизнь прожил безвыездно в ауле и не знаешь, что творится на белом свете, как живёт простой народ. Ты полагаешься только на Аллаха, думаешь, что это по воле Всевышнего страдают бедняки и блаженствуют богатеи. Но ты ошибаешься. Аллах здесь ни при чём.

Амир-Ашраф молчал. Умолк и Али-Султан.

– Пойду я, уже поздно, засиделись мы с тобой, да и тебе с дороги пора отдохнуть, – сказал наконец Амир-Ашраф, поднимаясь с ковра. – Спокойной ночи. Пусть крепок будет твой сон.

Через несколько дней Али-Султан уехал в город. Вернулся в аул не скоро – работал в ревкоме агитатором, партизанил в тылу белогвардейцев...

В те дни у Амира-Ашрафа случилась беда – умер отец. Он ещё больше осунулся, похудел. Но слёз не лил. Как бы ни было тяжело горе, мужчины-горцы скупы на слёзы. Шесть дней читал Амир-Ашраф заупокойные молитвы на могиле отца. На седьмой зарезал жертвенного барана, варёное мясо

раздал на кладбище детям, сиротам и бедным старцам.

На годекане о смерти Исмаила мужчины обронили лишь несколько слов. Мысли всех в то грозное время были заняты другими важными событиями. Жизнь в ауле была беспокойной. Почти каждый день заседали советы старейшин, проходили сходки, на которых выступали представители большевиков, меньшевиков, исламистов... Бедняки сочувствовали большевикам, богачи и духовенство – контрреволюционным силам и местным мятежникам-националистам. В горы, раздираемые междоусобными схватками, стали вторгаться то турецкие войска, то английские, то «добровольческие» казахи отряды Деникина. А вскоре в аулах появились и красногвардейцы, прибывшие из России на помощь революционным горцам. Наверное, нигде в стране так быстро не менялась власть, как на Кавказе.

Амир-Ашраф, удручённый смертью отца, держался в стороне от революционных событий. Как и прежде, но уже без энтузиазма исполнял он обязанности муэдзина, а в свободное время занимался сапожным делом в небольшой мастерской покойного мастера Ботта. В эти бедственные годы войны, разрухи, неурожая спроса на новую обувь почти не было. Жители аула ограничивались починкой дыр на старых башмаках, а летом ходили босиком.

Вскоре после смерти мужа Фатима заболела. Трудно стало Амиру-Ашрафу. Надо было и сапожничать, и читать молитвы в мечети, и готовить еду, и управляться дома по хо-

зьяйству.

– Женился бы ты, сынок, – сказала как-то Фатима. – Я уже стара. Одному тебе нелегко будет.

– Кто за меня пойдёт? – сокрушённо вздохнул Амир-Аш-раф.

– О, сынок, все молодые джигиты сейчас воюют! Так что невест много. Но девушку надо брать из бедной семьи, а ещё лучше – сироту. За такую невесту калыма большого не потребуют. И жена твоя должна быть высокая, крепкая телом. Может, Аллах смилостивится – и дети пойдут в мать. Будут тоже сильными, здоровыми. Мне так хочется понянчить внуков...

Почувствовав колебания сына, Фатима тут же принялась за дело. Выбор её пал на Зухру – статную, видную девушку. Родители Зухры умерли, когда она была ещё ребёнком. Жила Зухра у тёти, которая и вырастила её.

Выслушав мать, Амир дал своё согласие.

– Вот и хорошо, сынок, – обрадовалась Фатима. – Зачем тебе красивая и умная жена? Трудно приходится мужьям с умными и красивыми жёнами, такие жёны часто нарушают адат. А то, что она на две головы выше тебя, не беда. Я уже говорила, может, Аллах смилостивится – и дети будут рослыми, такими же, как мать.

Вскоре посватали Зухру за Амира. Свадьба была скромная. Но никто из аульчан не осудил Фатиму – в годы военных бедствий во многие дома вселилась нищета...

Фатиме не довелось понянуть внуков, о чём она так мечтала: через полгода после женитьбы сына она умерла. Зухра, хотя и навела порядок в запущенном хозяйстве, не соблюдала заповедь: «Жена да убоится мужа своего».

Но когда родился первый сын, второй, затем – дочь, стала послушной, ласковой, внимательной к Амиру Дети, как и предсказала Фатима, пошли в мать – были крепкими, рослыми.

На Кавказе, как и по всей России, установился мир, утвердилась власть Советов. Вернулся в свой родной аул Али-Султан. Вернулся в опустевший отчий дом – мать, заболев тифом, покинула земную обитель. За домом Али-Султана присматривали Амир-Ашраф и Зухра. Они встретили бывшего командира партизанского отряда и посоветовали ему поскорее обзавестись семьёй.

Но Али-Султан в ответ промолчал. А вечером сказал Амиру-Ашрафу:

– Однажды услышал я от друга-партизана, что в его ауле живёт очень красивая девушка Набат. Захотелось мне захватить в тот аул, взглянуть на красавицу. И вот выпал такой случай. Подъехали мы с другом к аулу. «Вон Набат стирает в реке бельё», – говорит он. Отпустили мы коней пастись, подошли к девушке. Взглянул я на неё и будто окаменел. И в самом деле – красавица. Стройная, лицо румяное, глаза словно два агата. Когда взгляды наши встретились, я поздно-

ровался и больше ни единого слова не смог вымолвить... А вечером узнал от друга, что Набат вскоре должна выйти замуж за своего двоюродного брата. Это известие потрясло меня. До сих пор не могу прийти в себя. Хожу словно больной.

– Друг мой, – произнёс сочувствующе Амир-Ашраф, – не вздумай сделать неверный шаг. Примирись с участью. Нельзя мужчине идти на поводу своих желаний, укроти свою страсть, подави любовь.

– О нет, не смогу! – воскликнул Али-Султан.

– Сможешь. Ты не раз смотрел даже смерти в глаза. Погаси этот дьявольский огонь в своём сердце. Возьми пример с меня. Я ведь женился не по любви и не ропщу на Аллаха. Довольствуюсь любовью к детям...

– Нет, нет! Разные мы с тобой люди. Ты человек рассудка, а я – чувств. Или Набат, или... – Али-Султан не договорил, но ясно было и без слов, что он имел в виду.

Рано утром Али-Султан покинул аул, не сказав даже своему другу Амиру-Ашрафу, куда уезжает.

А через два дня в аул ворвалась группа вооружённых всадников. Один из них, соскочив с коня, схватил за руку пробежавшего по улице мальчишку:

– Где живёт бывший партизан Али-Султан?

Мальчишка испугался, заплакал и покорно повёл незнакомца к дому Али-Султана. Следом за ними поскакали всадники. Подъехав к дому Али-Султана, они начали стучать в запертые ворота.

– Напрасно стучите, никого в доме нет, – сказал Амир-Ашраф, подойдя к пришельцам.

– А где он прячется?

– Али-Султан – мой сосед, он храбрый джигит и прятаться в погребе или под кроватью ни от кого не будет. Клянусь Аллахом, если бы он был дома, его ворота были бы распахнуты, а сам он вышел бы к вам навстречу.

К этому времени у дома Али-Султана собрались все мужчины аула.

– Прошу пояснить нам причину вашего такого шумного вторжения в аул, – сказал седобородый старик. – Не следует пренебрегать помощью и советом старейшин. Может, мы осудим за злые деяния своего соплеменника и тем самым окажем вам услугу. И все закончится миром.

– Ваш Али-Султан будет иметь дело только со мной! Я ему судья после Бога! – крикнул грозно один из молодых всадников.

– Да, мой двоюродный брат будет прав, если убьёт Али-Султана, – поддержал его другой джигит.

– В чём же его вина? Объясните нам. Неужели она такая тяжкая, что за неё можно поплатиться головой?

– Он украл мою невесту Набат, с которой я был обручён! Мужчины аула тут же облегчённо вздохнули: украсть невесту – это не преступление. Убедившись, что Али-Султана дома нет, всадники повернули разгорячённых коней и умчались прочь.

– Надо послать почтенных представителей аула к родителям похищенной невесты с просьбой примириться, – сказал Амир-Ашраф, обращаясь к старейшинам.

Старейшины дали своё согласие. В тот же день четыре седебородых старика отправились в соседний аул.

Отец Набат с подобающим почтением принял посланцев и, выслушав их внимательно, сказал:

– Нет, я не смогу простить Али-Султана! Его воинские заслуги никакого авторитета для меня не представляют. В наших краях каждый мужчина – отчаянный храбрец... Со дня рождения моя дочь была предназначена моему племяннику – сыну старшего брата. И она не будет принадлежать другому. А если этот негодяй её опорочил, я всё равно верну её под свой кров – и пусть она при мне умрёт или будет владеть одинокое существование до конца дней.

Старейшины аула обратились к представителям местной власти с просьбой предупредить кровопролитие. Им сказали: если девушка сбежала с Али-Султаном добровольно, закон на их стороне. Советское законодательство предусматривает свободу и равноправие всех граждан страны, в том числе и женщин. И не только за расправу над Али-Султаном, но даже за попытку расправиться с ним родственники невесты могут быть привлечены к уголовной ответственности.

Узнав об этом, отец Набат сник. А племянник не появлялся больше с друзьями около дома Али-Султана.

Али-Султана не было в ауле около месяца. И никто не знал, где он находится.

...Амир-Ашраф сидел на ковре в кунацкой и читал Коран. Вдруг дверь распахнулась – на пороге выросла стройная фигура Али-Султана.

– О, слава Аллаху! – воскликнул Амир-Ашраф. – Наконец-то явился!

– Ну как вы тут? – устало садясь рядом на ковер, спросил его Али-Султан.

– А ты как? – вопросом на вопрос ответил Амир-Ашраф.

Али-Султан не заставил себя ждать с ответом и поведал другу детства, как в ту памятную ночь поехал в соседний аул, выкрал Набат и спрятал её в сакле старого мельника в Чёртовом ущелье. Амир-Ашраф рассказал о женихе Набат, который ворвался с друзьями в аул, о делегации старейшин аула к отцу девушки и о решении местной власти.

– Напрасно вы беспокоились, – улыбнулся Али-Султан. – Набат согласна выйти за меня замуж. Она приехала со мной и ждёт меня на улице.

В тот же день Али-Султан и Набат зарегистрировали свой брак.

Свадьба Али-Султана и Набат встревожила аульчан – все боялись, что вот-вот явится жених Набат со своими друзьями и в ауле начнётся драка. Но этого не случилось.

В один из базарных дней Али-Султан влетел в соседний аул и соскочил с коня прямо перед годеканом, где сидели

старейшины, среди них был и отец Набат. Увидев безоружного джигита, явившегося с повинной, мужчины встали и, не говоря ни слова, пожали ему руку. Это было помилование суда старейшин аула. Ничто в горах так не ценится, как мужество, честь и покаяние в своих грехах.

Али-Султан, положив руку на грудь, низко поклонился старейшинам, затем неторопливо сел на коня и не спеша выехал из аула. Никто его не задержал.

И потекла счастливо жизнь Али-Султана и Набат. Лишь одна беда омрачала их радость – не было у них детей.

Вскоре Али-Султана назначили секретарём сельского Совета. Чтобы лучше знать русский язык, он поступил в ликбез. Пытался привлечь к учёбе и своего друга Амира-Ашрафа, но тот отказался.

– Я достаточно обучен арабской грамоте, – сказал Амир-Ашраф. – Знаю тюркский и даже древний фарси. Не к лицу мне, главе семьи, начинать снова хождения с тетрадками и книжками в школу.

После окончания ликбеза Али-Султан вступил в партийную ячейку аула и записался в союз воинствующих безбожников.

Узнав об этом, Амир-Ашраф пришёл вечером к другу.

– Зачем ты записался в безбожники? Неужели ты и в самом деле не веришь в Аллаха?

– Раз записался, значит, не верю, – ответил Али-Султан.

– Кто же тебя убедил в этом?

– Атеисты, которые читали нам лекции. Религия – это дурман. Она помогает правителям держать в повиновении людей.

– Религия облагораживает человека. Верующие люди не способны причинить зло ближнему. Душа у них чиста. Помню, в медресе, прощаясь со мной, один из старых учителей богословия напутствовал меня: всяко старайся вселять в души слабых истинную веру в Аллаха, без этой веры страна превратится в арену насилий, грабежа и разврата.

– Грабежом, насилием и развратом как раз и занимаются власть имущие и представители духовенства.

– Ты хочешь сказать, что и я наделен этими пороками? Ошибаешься. Истинно верующий человек добр душой, искренен и смиренен. Он никогда не согрешит. Потому что боится суда Аллаха.

– И ты веришь в жизнь после смерти? – улыбнулся Али-Султан. – К смирению и безропотному подчинению устами таких, как ты, призывали цари, султаны, шахи, ханы, беки. Но теперь, когда все люди равны, когда все земные богатства будут принадлежать тем, кто их создает, нужда в религии отпала. Насилия, грабежа, разврата теперь не будет.

– Но ведь духовенство всегда осуждало эти пороки. Разве в часы горя и скорби молитвенные слова Священного Писания не успокаивают души? Разве религия не учит верности, любви, милосердию, не соединяет детей у единого очага вокруг матери, делая её возвышенной в их глазах?

– Именно религия и заставила женщину замкнуться в домашней жизни, лишила её права участия в управлении страной. И, наконец, именно твоя религия туманит людям ум, делает их послушными исполнителями...

– Но ведь женщина самой природой создана для материнства, и нет никакой нужды в том, чтобы она делала то, что должен делать мужчина. А что касается умственных способностей, – Амир-Ашраф встал с ковра, прошёлся по комнате, – уверяю тебя, если Аллах создал человека дураком, никакими силами вам, безбожникам, не удастся сделать его умным.

– Не Бог создал человека, а человек создал Бога.

– А откуда же появился на свет человек? Откуда появились звери, птицы, рыбы?..

Али-Султан пожал плечами. Не мог он, малообразованный горец, ответить на эти вопросы.

Друзья расстались в этот вечер, так и не найдя общего языка.

Али-Султан организовал в ауле коммуны Земли, пригодной для обработки, было мало, и по распоряжению из райцентра коммуне отвели часть каменистого плато, принадлежавшего жителям соседнего селения. Это решение соседи восприняли неодобрительно. Когда посеянная пшеница заколосилась, они выпустили ночью на поле свой скот.

Вражда жителей двух аулов продолжалась до тех пор, пока

на их землях не образовался колхоз.

Али-Султан стал председателем сельского Совета. Но вскоре из-за болезни – ранение на фронте не прошло для него бесследно – ему пришлось оставить этот пост. Однако без дела он не сидел. Разбил на своём участке сад и с утра до вечера работал в этом саду.

Амир-Ашраф продолжал сапожничать, растил детей. После школы оба сына поступили в институт: старший, Селим, – в нефтяной, младший, Керим, – в сельскохозяйственный, дочь Умму училась в школе.

Так и протекала бы безмятежно жизнь двух друзей-соседей, если бы не грянула Отечественная война...

Окончив институт, ушёл на фронт Селим. А вскоре вслед за братом стал собираться и Керим.

– Сынок, тебя ведь не мобилизуют, ты студент последнего курса, продолжал бы лучше учёбу, – сказал ему Амир-Ашраф.

– Не могу, папа, стыдно по улицам ходить. Кажется, что все смотрят осуждающе на меня. Брат воюет, а я, здоровенный парень, сижу в тылу.

Проводил Амир-Ашраф и второго сына на фронт.

Аул казался притихшим, мрачным обиталищем больших чёрных птиц – с первого дня войны все женщины стали ходить в траурных платьях. На годекане собирались лишь древние старцы. Уткнув головы в овчинные шубы, слушали внимательно последние известия по репродуктору, установлен-

ному в центре аула. Известия были горькие. Фашистские орды, превращая в руины города и сёла, продвигались в глубь страны.

На улицах аула не слышно было даже детского смеха. Самым уважаемым человеком стал почтальон. Люди ещё издали, по выражению его лица старались определить – что он несёт: радость или горе. Если улыбается, значит, всё хорошо, светлеют лица аульчан. Если же идёт мрачный, низко наклонив голову, замирают сердца людей. Чья ещё семья потеряла кормильца?.. Разносится по улицам аула душераздирающий женский крик. Почтальон, вручив несчастной женщине похоронку, быстро уходит прочь. А к дому, куда ворвалась беда, сходятся люди, чтобы утешить убитую горем соседку.

В ауле снова открылась мечеть. Амира-Ашрафа попросили быть муллой. Он согласился.

...Однажды вечером Амир-Ашраф пришёл к Али-Султану:

– Забудь старое, возвращайся к Аллаху.

– Нет, – ответил Али-Султан. – Ты не просто сосед для меня, но и друг и – если хочешь – брат. Я уважаю тебя как человека честного, пронесшего свою совесть незапятнанной до седин. Но в некоторых вопросах жизни наши взгляды не совпадают. Ты был и остался верующим, а я останусь до конца безбожником. Ты знаешь, что я не двулик и не сойду со своей жизненной дороги. Единственно, о чём жалею, – это то, что стал с годами слабым и не могу взять в руки винтов-

ку, чтобы драться на фронте с врагом. Но я уверен, что мы победим. Ведь побеждали даже тогда, когда враги советской власти шли на нас со всех сторон. Очень жаль будет, если не вернутся с войны твои сыновья. В тяжёлую минуту я, бездетный человек, надеялся опереться на их надёжные плечи. Дай Бог, чтобы они вернулись в полном здравии и благополучии.

– Ну, вот видишь: говоришь, что не веришь в Бога, а сам к Нему обращаешься, – заметил Амир-Ашраф.

– Это я к слову, – ответил Али-Султан.

Так и не удалось уговорить Амиру-Ашрафу старого партизана посещать мечеть.

Шли годы. Закончилась война. Посветлело на душе у людей. Но не у всех. Мучительная боль по погибшим родным и близким навсегда поселилась в сердцах многих аульчан.

Амиру-Ашрафу повезло. Оба его сына вернулись с войны. На радостях он зарезал бычка и такой байрам устроил, какого давно уже не видали в ауле.

А через несколько дней между отцом и старшим сыном Селимом, который пришёл с войны в звании капитана, состоялся неприятный разговор.

– Отец, ты должен отказаться от обязанностей муллы, – сказал Селим. – Мне, человеку с высшим образованием, неудобно видеть тебя в этой роли. Думаю, что и Кериму это не доставляет удовольствия.

Амир-Ашраф был так удивлён, что не знал, что и ответить

сыну. Но, придя в себя, он сдвинул сурово брови и сердито заявил:

– Ты что говоришь? Диктуешь отцу свою волю? Да как ты посмел?!

– Я не диктую тебе свою волю и не собираюсь ни в чём ущемлять твоё достоинство. Я всегда любил тебя, уважал. И теперь люблю, уважаю. Но пойми меня правильно. Я – офицер запаса, инженер. Завтра получу высокую должность в городе. Мне стыдно будет писать в анкете: «Отец – мулла...»

– Тебе стыдно за отца, которого почитают в ауле все от мала до велика?! Почему тебе стыдно за меня? Разве я вор или убийца? Да я в твои годы считал за великую честь сесть рядом с нашим муллой...

– Вай-вай, что же вы сцепились, как петухи, – запричитала Зухра. – Не дай бог, кто услышит. Какой позор, какой позор! Вместо того чтобы радоваться встрече, они ругаются. Перестаньте, ради Аллаха, перестаньте...

Керим, присутствовавший при этом разговоре, молчал. Ему казалось, что и отец, и брат, каждый по-своему, правы. Отца уже не перевоспитаешь, и надо оставить его в покое. Тем более что обязанности муллы он исполняет бескорыстно, по просьбе таких же старых людей, как сам.

Увидев слёзы на глазах матери, Селим умолк. В конце концов, ему всё равно здесь не жить. И за отца он не ответчик. Пусть поступает как хочет. Отречься от Аллаха его уже не заставишь.

Через несколько дней Селим вернулся в город и стал работать инженером на нефтебазе. Керим тоже вскоре покинул аул, чтобы продолжить прерванную войной учёбу в сельхозинституте.

Мирная жизнь в семье Амира-Ашрафа постепенно вошла в свою колею.

Глава вторая

Почувствовав себя после долгой болезни лучше, Амир-Ашраф встал с кровати, прошёлся по комнате.

Увидев отца не в постели, Умму обрадовалась. Слава Аллаху, выздоровел! Надоело ей с утра до вечера принимать гостей, подавать им свежий чай. Да и мать не оставляет её в покое – в домашнем хозяйстве всегда дела найдутся. А из Керима какой помощник: целыми днями то в конторе, то в поле. А как же, институт окончил, заместитель агронома. Да, надо было и ей после школы поступать в техникум. Училась бы сейчас, как другие девушки, а не толклась бы по двору с метлой. Зря не послушалась отца...

Когда слепой муэдзин Хаджи-Муса в полуденное время обратился к верующим с молитвой, Амир-Ашраф накинул на плечи шубу. К нему подошла жена:

– В мечеть собрался? Полежал бы ещё денёк.

– Хватит, все бока отлежал. Вышла хворь из меня. И слава Аллаху! Пройдусь до мечети, а после молитвы, может, посижу немного на годекане.

– Да хранит тебя Всевышний от всяких напастей! Пусть тебе везёт во всём.

Амир-Ашраф шёл не спеша по узкой каменистой улочке. Встречные прохожие, останавливаясь, приветствовали его:

– Добрый день, почтенный мулла!

– С выздоровлением тебя, Амир-Ашраф!

– Хвала Владыке за то, что избавил тебя от болезни!

Амиру-Ашрафу было приятно слышать эти тёплые слова. Душу переполняла радость. Да, аульчане любят его, с почтением относятся к нему.

Немногословные, степенные, один за другим входили старики в мечеть. Ставили свои посохи в уголок, снимали обувь и располагались на полу, лицом к возвышению, где обычно сидел мулла.

После молитвы старики направлялись к годекану, расположенному напротив мечети. Самые пожилые, почтенные старцы садились в центре длинной каменной скамьи с дощатым настилом и надёжным навесом от дождя, остальные рассаживались по бокам от них. Поговорить о жизни, о новостях в ауле на годекане могли только мужчины. Женщины не имели права приходить сюда. Увидев муллу Амира-Ашрафа, мужчины подвинулись, уступая ему место.

Посидев немного рядом с Али-Султаном, выслушав от стариков аульские новости, Амир-Ашраф поднялся и в сопровождении своего друга-безбожника направился домой. Подойдя к калитке, он предложил Али-Султану пообедать вместе, но тот отказался, сославшись на неотложные дела.

Выпив кружку солёного калмыцкого чая с молоком и сливочным маслом, Амир-Ашраф прилёг на кровать на открытой веранде и вскоре уснул.

Разбудила его Умму, слегка коснувшись плеча. Амир-Аш-

раф открыл глаза и, недовольно глянув на дочь, спросил:

– Что случилось?

– Письмо пришло.

– Что за письмо? Кому? От кого? – Амир-Ашраф удивлённо глянул на синий самодельный конверт, склеенный из обложки тетради.

С тех пор как закончилась война и оба его сына вернулись с фронта, писем он ни от кого не получал и не ждал.

– Из России оно, на имя Селима, от русской женщины.

– Какая ещё женщина?! – раздражённо воскликнул Амир-Ашраф.

– А я откуда знаю, – пожала плечами Умму. – На конверте написано: Рязанская область, Рыбинский район. А прислала письмо Марина Орлова.

– Ладно, – махнул рукой Амир-Ашраф, – спрячь до приезда Селима. Мало ли кто может прислать письмо бывшему армейскому командиру. Возможно, его прислала жена фронтового друга, или мать, или сестра.

Умму хотела было выйти, но Амир-Ашраф задержал её:

– Постой, дай-ка гляну на письмо.

Умму передала отцу конверт. Амир-Ашраф стал внимательно вглядываться в строки, будто хотел что-то разгадать в них.

– Ну, что ты разглядываешь, читать-то всё равно не умеешь по-русски. Да ещё конверт держишь вверх ногами, – улынулась Умму.

– А ты не смей мне указывать. Не твоё дело, как я держу. Сама с грехом пополам закончила школу. А я всегда среди лучших был в учёбе. И если бы захотел, и по-русски выучился бы читать и писать. Иди. Я сам сохранию письмо.

Когда Умму покинула веранду, Амир-Ашраф решил, что не следует отдавать дочери загадочное послание. Не устоит она перед соблазном прочесть его. А мало ли что может написать женщина мужчине...

Спрятав конверт во внутренний карман бешмета, он задумался: «Кто же всё-таки прислал письмо? Что может писать женщина Селиму? Откуда она знает его домашний адрес? Если он с ней переписывается, то почему она написала в этот раз сюда, а не в город?.. А что, если осторожно вскрыть конверт и прочесть? Конечно, это нехорошо. Но я ведь отец Селиму. А какие секреты могут быть у сына от отца? Вот только как прочесть? Я же не умею читать по-русски...»

В этот день Амир-Ашраф впервые пожалел, что не пошёл учиться в ликбез вместе с Али-Султаном.

«Надо кого-то попросить прочесть письмо. Но кого? Умму? Нет. Она – болтливая девчонка. И Кериму тоже доверять такое дело никак нельзя. Придётся идти к Али-Султану. Он человек надёжный... А вдруг в письме что-то важное, секретное? Поделится Али-Султан со своей Набат, а та разнесёт по всему свету тайну моего сына. Нет, надо подождать приезда Селима. Он сам прочитает мне. А если не прочтёт? Он ведь своевольный, скрытный, не то что Керим...»

Противоречивые решения одно за другим возникали в голове Амира-Ашрафа. Вдруг он вспомнил свой разговор с сыном о его женитьбе.

— Рано мне ещё обзаводиться семьёй, — ответил тогда Селим. — На калым и свадебные расходы я пока не заработал. Вот если согласится какая-нибудь девушка без выкупа и старых обрядов стать женой, тогда другое дело. А то поди узнай, сколько попросят родители невесты «молочных» денег. Не отправишь же вместо денег будущей тёще бочку молока? Хотя ни одна из девушек и не выпила больше фляги грудного молока...

— Нет, сын, я не позволю тебе отступать от установленных у нас правил сватовства и бракосочетания. Всё будет сделано по адату. Обязательно дадим калым за невесту. И свадьбу тоже сыграем не хуже других. А вот когда я умру, ты со своими детьми можешь поступать как хочешь, — сказал он Селиму.

В душу Амира-Ашрафа стали вкрадываться подозрения и тревога. Непокорность Селима в делах семейных, отход от традиций горцев, насмешливое отношение к некоторым религиозным и бытовым обрядам возмущали его. Амир-Ашраф не раз сожалел о том, что позволил сыну самому выбрать профессию. Надо было заставить его окончить учительский или сельскохозяйственный институт, чтобы жил в селе, рядом, под отцовским присмотром и контролем. Попробуй узнай теперь, чем он занимается в городе в свободное время.

Али-Султан говорил, что в городе много разных увеселительных заведений, где подают хмельные напитки, где потевшие приличия парни и девушки танцуют чуть ли не до рассвета, обнимая друг друга у всех на виду. Разве это может привести к хорошему? Зачем нужны эти легкомысленные заведения? Разве нельзя было городским властям ограничиться чайханами, харчевнями? Зачем устраивать оргии в ночное время? И драки там случаются. Да и как им не быть, если над разгорячённой молодой кровью не властвует здравый разум, а от водки да вина туманится рассудок. Выпившие мужчины даже здесь, на свадьбах, не раз устраивали потасовки, а что уж говорить о городе...

Не ведал Амир-Ашраф покоя ни днём ни ночью, когда сыновья были на фронте. И сейчас тревожные мысли часто волновали его. И потому хотел он поскорее женить Селима – умерить его молодые страсти, привязать к дому, к семье. Но Селим в ответ на все его разговоры о женитьбе или молчал, или отшучивался. Почему? Уж не потому ли, что его сердце заняла девушка-иноверка, неизвестного рода-племени, и он никак не может избавиться от этой любовной занозы?.. Вон Али-Султан из-за любви чуть не поплатился головой. Может, и Селима ждёт то же самое?..

Мысли Амира-Ашрафа всё время возвращались к загадочному письму, которое при каждом движении шуршало во внутреннем кармане бешмета. Оно было толстым, увесистым. Наверное, не один лист бумаги исписала эта неизвест-

ная женщина. Но о чём же она могла так много написать? Нет, это не простое сообщение новостей. В письме что-то необычное, серьёзное...

За всю ночь Амир-Ашраф почти не сомкнул глаз.

После утреннего намаза, выйдя из мечети, направился не на площадь, как делал это всегда, а, постукивая о камни кизиловой палкой, быстро зашагал к сакле Али-Султана.

– Садам алейкум, брат мой Али-Султан! – приветствовал он старого друга.

– Ваалейкум салам, брат мой Амир-Ашраф! Что тебя привело ко мне?

– Что спрашиваешь? – прервал его Амир-Ашраф. – Я же не из Багдада, а из соседнего дома.

– Что-нибудь случилось?

– Да нет, ничего не случилось.

Амир-Ашраф стоял в нерешительности, не зная, как быть. Он всё ещё колебался – вскрывать конверт или нет. Да, читать чужие письма нехорошо. Но ведь он же не враг своему сыну? И если даже в письме будет что-то такое... Не станут же они с Али-Султаном рассказывать об этом другим. На голове у них папахи, а не платки.

Амир-Ашраф решительно сел на ковёр и тихо спросил:

– А где Набат?

– Вышла куда-то. Может, отправилась в магазин за сахаром.

– И слава Аллаху, лучше, чтобы она не слышала.

– Чего не слышала? – удивлённо спросил Али-Султан.

– Того, что написано вот в этом письме, – ответил Амир-Ашраф, доставая из кармана толстый конверт. – Селиму адресовано. От женщины, от русской...

– Ну и перешли ему. От кого бы оно ни было. Тебе-то зачем знать чужую тайну?

– Как это, зачем? Я отец ему или...

– Но он уже взрослый человек и может переписываться с кем угодно, – пожал плечами Али-Султан.

– Так-то оно так, – кивнул Амир-Ашраф. – Но письмо из Рязани, пришло на наш адрес. Видно, Селим не переписывается с этой женщиной. И она сама написала ему. А зачем? Я хочу знать: что пишет ему женщина из далёкой стороны. Мало ли что случается в жизни. Давай-ка всё же прочтём. Если в письме нет ничего особенного – заклеим конверт и я отправлю его в город с кем-нибудь или вручу Селиму сам, когда он приедет сюда. За детьми, брат мой, в каком бы они ни были возрасте, надо все время следить и все время напутствовать их в жизни. На-ка прочти. – Амир-Ашраф протянул другу письмо.

– Ну, если ты настаиваешь, могу прочесть. – Али-Султан взял конверт, повертел в руках. – Крепко заклеено, боюсь, не смогу вскрыть, не надорвав края. Ладно, попробую.

Он вышел в кухню и через несколько минут вернулся с расклеенным конвертом.

– Как же это тебе удалось? – спросил удивленно Амир-

Ашраф.

— Очень просто, — улыбнулся Али-Султан. — Подержал над паром кипящего чайника, — и, как видишь, клей размяк.

Али-Султан сел рядом с Амиром-Ашрафом, головы их склонились над густо исписанными тетрадными листами. Тихий голос Али-Султана звучал монотонно. Читал он письмо медленно, коверкая некоторые слова, иногда дважды перечитывая отдельные предложения, пояснял смысл непонятных слов Амиру-Ашрафу, который плохо говорил по-русски.

Когда Али-Султан закончил чтение, Амир-Ашраф, пораженный услышанным, попросил прочесть письмо ещё раз.

Али-Султан уже без запинки стал читать:

«Здравствуйте, фронтовой друг Селим. Мои приветы и добрые пожелания передайте вашему отцу и матери, также брату и сестре. Не удивляйтесь моему письму и не огорчайтесь. Нет и не будет у меня к вам никаких претензий.

Вы знаете, что отец мой не вернулся с фронта, мать погибла во время бомбёжки. А совсем недавно здесь, в деревне, умерла и моя бабушка. Я осталась одна с ребёнком на руках. Это — ваш сын. Да, ваш! Вы хорошо знаете, что у меня не было до вас мужчины. Не было их и после вас. Но не в этом суть.

Дело в том, что я тяжело больна. Однако не смерть меня пугает, а судьба Амирчика. Так я назвала нашего сынишку. Он чёрненький и очень похож на вас. Вы помните, когда вы

лежали раненый в госпитале, то дали мне свой домашний адрес и сказали: если вдруг с вами что-нибудь случится, чтобы я написала отцу по этому адресу. Но с вами ничего не случилось, как говорится, Бог миловал. Вы выздоровели, и вас снова отправили на передовую.

При вашей части работала моя знакомая – военфельдшер Анна Павловна. Я переписывалась с ней. Она сообщала мне все подробности о вас. Я знаю, что вы дошли до Берлина, имеете боевые награды и живым, здоровым демобилизовались. Я очень рада за вас.

А моя судьба сложилась неудачно. Жизнь в бедной деревушке в ветхой избёнке бабушки была нелегка. Но я никогда не боялась трудностей и испытаний судьбы, потому и на фронт добровольно пошла.

В своей деревне, сразу после родов, я устроилась на работу свинаркой. Трудно было вначале, но потом привыкла. Люди помогали нам. Но смерть моей милой, нежной, заботливой бабушки потрясла меня. Если бы вы знали, как она любила Амирчика...

Как видите, сына я назвала именем вашего отца. Уж больно оно понравилось мне. Амир... Если отбросить букву «А» – получается лучшее слово на свете «мир». Вы помните, как мечтали мы о мире в годы войны! Это слово – самое главное для людей доброй воли всего мира. Наверное, ваш отец никогда не задумывался, каким прекрасным именем его нарекли родители.

Но суть опять-таки не в имени. Кажется, я пишу нескладно, отвлекаюсь. Я волнуюсь, у меня сильный жар. Сейчас полночь. Единственная радость моя, единственное счастье моё – Амирчик – сладко спит, а я, истерзанная думами, больная, пишу вам.

Никогда в жизни, даже там, на фронте, рядом со смертью, я не испытывала такого страха, как сейчас. Мне страшно. Мне нельзя умирать. Мне надо жить ради сына. Я боюсь, что он останется один-одинёшенек на белом свете. Хорошо понимаю, что мир не без добрых людей, что государство вырастит его, но ничего не могу поделать с собой. Теперь я понимаю, каково было моей матери, когда она умирала... Каково было миллионам матерей, когда они провожали сыновей на фронт, думая, что видят их в последний раз...

Простите, кажется, я опять отвлеклась.

Так вот, у меня ребёнок – ваш сын, ему три годика. Меня настигла беда. Я простудилась. Воспаление лёгких. У нас в свинарнике – сквозняки. Меня лечит деревенский фельдшер. Заходят каждый день соседи, топят печь, еду приносят. Гляжу я на сынишку и не могу сдержать слёз. Жаль его, вдруг сиротой останется, круглым сиротой при живом отце и родственниках. Вот и решила написать вам. Если я умру – возьмите к себе Амира. Если вы женаты, имеете детей, ваша жена, как мать, поймёт меня и вас простит. Ведь всё, что произошло между нами, было до неё. Тогда там, на фронте, рядом со смертью, люди были рады минутному счастьем...

Вас я полюбила чистой, девичьей любовью. Если бы вы знали, как я была счастлива в те дни рядом с вами! Я ничего не боялась, даже смерти.

А сейчас мне страшно умирать, потому что я не одна. Бедное дитя моё, что ждёт его?! Умоляю вас: возьмите сына. Если ваша жена не захочет, отдайте его родителям. Они полюбят его, ведь кровь в нём – ваша... А если я выкарабкаюсь из когтей смерти, привезёте Амирчика обратно – и я буду растить его одна. Было бы хорошо, если бы его знали родственники и он знал их. Мало ли как может сложиться жизнь и его, и моя...

Повторяю ещё раз: к вам у меня нет никаких претензий. Я никогда не жалела и не буду жалеть о том, что было между нами на фронте.

С рождением ребенка я обрела счастье. Ах, если бы вы знали, как мне хочется жить! Я готова переносить любые тяготы, лишения, нужду, лишь бы все время видеть любимого Амирчика. Как мне тяжело! С трудом пишу. Нет сил...

Простите меня, ради бога, ради сына простите. Не побеспокоила бы вас, не дала бы знать о себе, если бы не моя болезнь. Надеюсь на вашу порядочность, доброту...

Если я умру после отправки этого письма, вам сообщат телеграммой. Умоляю вас, приезжайте тогда и возьмите сына к себе. А если выздоровею – не приезжайте.

Желаю здоровья вам, вашим родным, близким! Будьте счастливы. Марина».

Али-Султан молча положил письмо перед Амиром-Ашрафом. Склонив голову на грудь, Амир-Ашраф сидел неподвижно и тоже молчал. Он был так потрясён этим известием, что не мог вымолвить и слова.

Когда в комнату с шумом вошла Набат, Амир-Ашраф, испугавшись, что она может увидеть письмо, дрожащей рукой накрыл его. Али-Султан указал глазами жене на дверь. Набат вышла. Амир-Ашраф всё так же молча сложил письмо, сунул его в конверт и спрятал в карман.

– Давай заклею, – сказал Али-Султан.

– Не надо. Пусть Селим знает, что мне известно содержание письма, иначе я не смогу начать с ним серьёзный разговор.

– Что же ты намерен делать?

– Сам не знаю, ещё не собрался с мыслями. Но что-то надо делать. И немедленно. Сегодня же! – решительно произнёс Амир-Ашраф.

Он встал с ковра и направился к выходу. У двери остановился, повернулся к Али-Султану и, приложив указательный палец к губам, тихо добавил:

– Прошу тебя, никому не говори об этом письме.

Али-Султан кивнул.

В комнату снова вошла Набат.

– Куда же ты, дорогой сосед, заторопился? Я вот плов несу. Ароматный, пальчики оближешь, – приветливо улыба-

нулась она Амиру-Ашрафу.

– Благодарю. Я ещё не совсем выздоровел, боюсь есть мясное. Тяжело мне после баранины, – ответил Амир-Ашраф, не поднимая головы.

– Что с ним, чем он расстроен? – спросила Набат мужа, когда Амир-Ашраф закрыл за собой дверь.

– Ничего, просто нездоровится человеку.

– Очень жаль. Всегда был таким приветливым, добродушным, а теперь какой-то настороженный.

Набат поставила перед мужем тарелку с дымящимся пловом, присела рядом.

– Чего ты уставилась на меня? – спросил её Али-Султан раздражённо. Он был не в духе, письмо русской женщины тяжёлым камнем легло не только на сердце Амира-Ашрафа, но и на его сердце.

– И посмотреть на себя не даёт! А когда-то сам глаз от меня не отрывал. Ну и сиди один, – буркнула Набат.

Она встала и вышла на кухню.

Амир-Ашраф ходил из угла в угол по комнате, не находя себе места. Его трясло, словно в лихорадке. Неожидавшее известие перевернуло всю его душу. «Мой внук, наша кровь, где-то в далёкой стороне и, может быть, уже осиротел. Вдруг вот-вот придёт известие о кончине его матери...»

Амир-Ашраф, очень любивший своих детей, мечтавший поддержать на руках внуков, не мог допустить даже мысли, чтобы сын Селима остался без отца и рос в детском доме. В

искренности Марины он не сомневался. Он почувствовал в её словах крик материнской души, откровенность любящей женщины, которая безропотно готова была нести бремя одиночества, довольствуясь незавидным счастьем матери-одиночки. Его взволновало и то, что Марина, хлебнувшая столько горя, не претендует ни на что, даже на алименты. Нет, это не расчётливая особа, какие встречаются и в аулах. Гордая, с чувством собственного достоинства, не сожалея ни о чём, она беспокоится только о ребёнке и живёт только ради него.

Сердце Амира-Ашрафа разрывалось от жалости к неизвестной обездоленной женщине, которая когда-то ухаживала за его раненым сыном, полюбила его и готова была одна влачить нелёгкую жизнь, довольствуясь плодом своей любви.

– О, великий Аллах, всемогущий и милосердный, услышь мою молитву, отведи тень Азраила¹ от иноверной матери моего внука! Сохрани её и помилуй добродетельной Своей рукой, – зашептал Амир-Ашраф, упав на колени.

В эту ночь он снова не сомкнул глаз. Ему всё время мерещилось то бледное лицо умершей молодой русской женщины, то заплаканное лицо малыша, который тянул к ней руки и кричал: «Мама!.. Мама!.. Проснись!..» Он прислушивался к ночной тишине, и, когда на улице раздавались шаги запоздавших прохожих, сердце его учащённо билось – не почтальон ли это несёт телеграмму с прискорбным известием?..

Утром Амир-Ашраф вошёл в комнату младшего сына. Ке-

¹ Азраил – ангел смерти.

рим спокойно спал, положив под голову руки. Амир-Ашраф постоял немного, склонившись над сыном и любуясь его румяным, загорелым лицом, потом осторожно тронул Керима за плечо. Сын открыл глаза:

– Что, пора на работу? Неужели я проспал?

– Нет, сынок, ты не проспал. А бужу я тебя потому, что есть неотложное дело.

Керим встал, быстро оделся.

– Отправляйся, сынок, прямо сейчас в город к Селиму и скажи ему, чтобы он немедленно ехал домой.

– А как же работа?

– Я поговорю с председателем колхоза.

Керим, отличавшийся от Селима покорностью и послушанием, ни о чём не расспрашивая отца, сунул в карман кошелёк с деньгами и, кивнув на прощание, выбежал из дома.

Амир-Ашраф, поднявшись на веранду, смотрел вслед Кериму до тех пор, пока сын не скрылся за поворотом. Выйдя во двор, он столкнулся с женой. Она только что подоила корову и несла в дом ведро с парным молоком.

– Куда это ты послал сына? – спросила Зухра.

– В город, – сухо ответил Амир-Ашраф.

– Зачем же спозаранку?

– Значит, так нужно, – буркнул Амир-Ашраф, открывая калитку.

– Что за пожар случился? Пусть бы хоть позавтракал...

– Да, пожар, пожар! Душа моя загорелась! Ясно?! – раз-

дражённо выкрикнул Амир-Ашраф.

Зухра, видя, что муж не в духе, решила оставить его в покое...

К вечеру оба сына приехали из города. Когда они вошли в дом, Амир-Ашраф сказал Кериму:

– Оставь нас одних.

Керим тут же вышел. Амир-Ашраф подошёл к двери, взял посох, стоявший в углу, повернулся к Селиму.

Селим никогда ещё не видел отца таким гневным. «Что случилось? – думал он. – На приветствие моё не ответил. Посох зачем-то взял. И брат по дороге ничего толком не смог объяснить...»

– Ну-ка, подойди ко мне и повернись! – сердито приказал сыну Амир-Ашраф.

Селим пожал плечами, улыбнулся, вспомнив, как наказывал его отец за проказы в детстве, послушно подошёл к нему, повернулся. Амир-Ашраф ударил его ниже спины посохом. Размахнулся для нового удара. Но Селим перехватил его руку:

– Что случилось? С чего это ты вдруг бьёшь меня?

Амир-Ашраф сплюнул под ноги и молча отошёл к окну. Селим понял, что стряслось что-то серьёзное.

– Отец, – заговорил он уже мягко. – За что ты так рассердился на меня? Ведь я не сделал никому ничего плохого...

– Не сделал?! – Амир-Ашраф повернул к сыну побагро-

вевшее от гнева лицо. Затем дрожащей рукой вытащил из кармана письмо и швырнул его Селиму. – Прочти. Потом поговорим.

Селим стал читать письмо. Амир-Ашраф следил за выражением его лица. Оно было сначала удивлённым, но вот брови сдвинулись, лицо стало хмурым, потом посуровело... Закончив читать, Селим посмотрел на отца как-то жалко, растерянно.

– Ну, что теперь скажешь? – спросил его всё так же сурово Амир-Ашраф.

– А что мне говорить? Я уже взрослый мужчина. По молодости всякое бывает...

– Так ты считаешь, что ничего страшного не случилось?!

– Ну, как тебе сказать. Я же не обидел её, не обманул. Всё произошло с её согласия. Она сама пишет об этом и никаких претензий ко мне не имеет...

– По-твоему выходит, что можно бросать своих детей на произвол судьбы? И тебе не стыдно говорить такое мне, отцу? Разве я учил тебя этому? Или, может, в школе учили, в институте?

– Какое это имеет отношение к моей учёбе, – отмахнулся Селим. – Большого ума и знаний для этого не требуется.

– Да, в этом ты прав. Для того чтобы производить себе подобных, действительно не нужно ни ума, ни знаний. Это делают и животные. Но ведь ты поступаешь хуже животного. Звери и те оберегают и растят своих детёнышей. А ты?..

Селим молчал.

– Что же ты молчишь?

– А может, ребёнок не от меня? – косо глянув на отца, процедил сквозь зубы Селим.

– О нет! В письме – исповедь отчаявшейся женщины. В такие минуты люди не лгут. Она не просит ни о чём, кроме приюта для ребёнка. Если бы ты не был отцом, чего ради ей – русской – называть моим именем мальчика? Да и вообще чего ради стала бы она разыскивать нас в чужой стороне, когда, будь она подлой, расчётливой, могла бы найти какого-нибудь начальника из своего рода и племени. Скажи мне, только честно: она и в самом деле не имела до тебя мужчин?

– Какое это имеет значение? И почему ты учиняешь мне допрос? – возмутился Селим.

– Для меня, сынок, – уже более спокойно заговорил Амир-Ашраф, – как и для всякого отца, у которого есть дочь, это имеет большое значение. Это должно иметь значение также и для всякого уважающего себя молодого человека. В наше время тому, кто надругался над честью девушки, снимали голову вместе с папайхой.

– Плохо поступали в ваше время. Женщину считали безвольным, безропотным существом, неспособным постоять за себя. А в наше время – равноправие. Теперь, после войны, на которой полегло столько мужчин, мы, уцелевшие, нарахват. Женщины сами падают к нам в объятия...

– Не смей так говорить! Не забывай, что перед тобой отец!

– А я говорю правду. Почему во всех грехах нужно обвинять только одних мужчин? Разве не случается такое, когда соблазняет парня сама девушка, а потом притворяется жертвой насилия?

– Ты не уводи разговор в сторону. Ответь сначала на мой вопрос.

– Ну, допустим, что до меня она не имела мужчин. Что дальше? – Селим вызывающе посмотрел на отца.

– А дальше будет то, что ты запишешь в свой паспорт сына. Если не сделаешь этого по-доброму, я вынужден буду обратиться к местным властям. Поеду к тебе на работу. Расскажу обо всём в партийной, профсоюзной организациях.

– Интересно... А как бы ты поступил, если бы она назвала его не Амиром, а Иваном? Если бы он был бело-брысеньким?..

– Ты хочешь сказать, – прервал Селима Амир-Ашраф, – как бы я поступил, если бы твой сын оказался похожим на мать?

– Ты не понял меня.

– Всё понял. Так вот знай: я не допущу, чтобы сыны мои разбрасывали своих детей по белому свету!

Селим снова вызывающе посмотрел на отца, иронично усмехнулся:

– Если все дедушки будут поступать так, как ты, то некоторые отчие дома превратятся в интернаты интернациональных детей.

– Негодяй! Убирайся прочь с глаз моих! – стукнул кулаком по столу Амир-Ашраф.

Селим не спеша направился к выходу.

– Завтра же отправляйся к этой женщине и забери своего сына! – крикнул ему вслед Амир-Ашраф.

Селим остановился у двери и, обернувшись к отцу, решительно заявил:

– Никуда я не поеду и никого не привезу! Вопрос о своей семейной жизни я буду решать сам!

– Ах, вон как? Отец для тебя уже ничего не значит? Ну что ж, тогда вопрос о судьбе продолжателя моего рода я тоже буду решать сам!

Когда Селим вышел из комнаты, Амир-Ашраф опустился на ковёр, дрожащей рукой достал из-под подушки старинный Коран в коричневом сафьяновом переплёте, раскрыл его, надел очки. Но читать не смог. Из головы не выходил разговор с сыном.

Впервые в жизни в сердце Амира-Ашрафа появилась к Селиму неприязнь. А ведь он любил его так же горячо, как и Керима и дочь Умму. Восхищался им. Умный, красивый, с войны вернулся – вся грудь в орденах. Когда же он проглядел его? Когда в его душе появились эти ростки упрямства, самоуверенности, непочтения к старшим? Даже с ним, с отцом, вёл себя как с равным...

Перебирая в памяти неприятный разговор с сыном, Амир-Ашраф снова и снова возвращался к его словам: «А

может, ребёнок не от меня?» Эти слова, будто надоедливое жужжание мухи, всё время звучали в его ушах. «Но зачем же она назвала тогда своего сына Амиром? Да и пишет ведь в письме, что он похож на Селима. Нет, обманывать эта женщина не будет. Обман легко раскрыть. Стоит глянуть на ребёнка – и сразу увидишь, похож он на Селима или нет...»

Мысли Амира-Ашрафа прервал вошедший в комнату Керим.

– Папа, может, ты поужинаешь? – тихо спросил он.

Вместо ответа Амир-Ашраф кивнул ему на коврик, лежавший у его ног. Керим сел.

– Ты знаешь, где находится город Рязань? – спросил Амир-Ашраф.

– Знаю по карте, но сам там не бывал.

– Ты же говорил, что во время войны исколесил всю Россию, до Германии дошёл...

– Я имел в виду фронтовые дороги.

– Ну хорошо, это не имеет значения. Поезд довезёт тебя в любой конец страны. Завтра я попрошу председателя колхоза, чтобы он отпустил тебя с работы дней на двадцать. А ты поедешь вот к этой женщине. – Амир-Ашраф протянул сыну конверт, ткнул пальцем в обратный адрес.

Керим прочитал адрес и, глянув удивлённо на отца, спросил:

– Кто эта женщина? И зачем мне к ней ехать?

– Ну, как тебе объяснить... Эта женщина когда-то, во вре-

моя войны, была близка с Селимом...

– А зачем она тебе понадобилась?

– Не она мне понадобилась, а внук понадобился.

– Какой внук?

– Мой, от сына Селима. Твой племянник.

Керим застыл с открытым ртом. Теперь ему стало ясно, почему отец так спешно вызвал старшего брата из города и о чём говорил с ним, уединившись в своей комнате.

– Папа, ты делаешь это с согласия Селима?

– Я это делаю как глава семьи, с собственного согласия.

– Да, но...

– Что «но»? Что «но»? – раздражённо произнёс Амир-Ашраф. – Тому, кто произошёл от нашего рода, надлежит быть с нами.

– Значит, я должен поехать и забрать мальчика? А если мать не согласится? Это дело ведь связано с судом.

– Какой там ещё суд! Поезжай и забирай обоих! – выкрикнул Амир-Ашраф и уже тише добавил: – Если мать ещё жива.

– А что с ней?

– Она тяжело больна.

– Но Селим может возмутиться. Станет возражать...

– Он может возразить, если ты их привезёшь в его дом. А здесь пока что хозяин – я!

– Ну хорошо, отец, всё сделаю, как ты велишь.

Керим хотел было встать, но Амир-Ашраф, положив ему

руку на плечо, заговорил снова:

– Как доберёшься до места и придёшь к этой женщине, то сразу передай ей вот эти деньги, – он протянул сыну кошелёк, – скажи, что они от меня, от деда. Потом разгляди как следует мальчика. Думаю, ты сразу увидишь, похож он на Селима или нет. Но на всякий случай попроси свидетельство о рождении. Если мальчик родился в феврале, значит, доказательство будет и документальное. Понял меня?

– Понял.

– После этого, от моего имени, предложи наш кров и хлеб.

– Ясно.

– И ещё: последняя просьба. Ни матери, ни Умму, ни соседям об этом – ни слова!

– Но ведь они всё равно узнают.

– Пусть узнают тогда, когда с помощью Аллаха возвратитесь домой втроем.

– Хорошо, отец.

Керим, озадаченный новостью и предстоящей поездкой, пошёл в свою комнату собирать вещи.

Глава третья

Взволнованный неожиданным письмом и разговором с отцом, Селим лежал на кровати в кунацкой и перебирал в памяти дни своей фронтовой жизни, полные тревог, лишений и тягостных утрат друзей-товарищей. За четыре года он, пехотинец, прошёл немалый путь от Кавказских гор до самого Берлина!

Но ничто из увиденного и пережитого, даже тяжёлое ранение в бедро, когда он чуть не умер от потери крови, не волновало его так, как это неожиданное известие о том, что у него есть сын.

Более трёх лет прошло с той поры, когда он, находясь в госпитале, близко познакомился с санитаркой Мариной. Эту худенькую, скромную, немногословную девушку, умевшую не только делом, но и задушевным, мягким словом утихомирить боль, любили все раненые. За ней ухаживали и рядовые, и офицеры. Но она свою ласку, свою нежность, свои первые чувства подарила ему, Селиму...

В последнюю, прощальную ночь, когда до победы над врагом остались считанные месяцы, они расстались молча. Она не просила его писать, помнить о ней, только прошептала: «Береги себя...» – и заплакала.

Селим вернулся в свою часть. Снова пошла окопная жизнь, атаки, взрывы, свист пуль... Думал ли он о Марине,

когда опять окунулся в огонь сражений? Во время коротких привалов, глядя на девчат-медицек или связисток, он вспоминал её. Но только вспоминал – не больше. Испепеляющего душу чувства Марина не пробудила в нём.

«Неужели это всё-таки мой сын? – думал Селим. – Да, я был у неё первым мужчиной. Ну и что? Это ещё ни о чём не говорит. После меня мог быть и второй мужчина, и третий... Почему же она ребёнка приписывает мне? Приписывает... Нет, наверное, всё так и есть на самом деле. Но почему же она, когда родила сына, сразу не разыскала меня? Ведь у неё был мой адрес... Знай я, что стал отцом, может, иначе повёл бы себя в жизни. А теперь – что мне делать? Сойтись с нею ради сына Амира, оставив Фарида, которую люблю больше всего на свете? Нет, никогда! Марина меня ни в чём не обвиняет. Вот и хорошо. Конечно, она может подать на меня в суд, чтобы я платил алименты. Ну что ж, я буду ей помогать деньгами. И только.

Ну а если стрясётся беда – ничего не поделаешь, сына придется забрать. Фариде пока не следует говорить об этом. Подождём несколько дней. Марина же пишет, если она выздоровеет, то приезжать за Амиром не надо. Может, всё образуется само собой, и Фарид ничего об этом не узнает. А потом будет видно. Жизнь подскажет...»

Утомлённый нелёгкими думами, Селим наконец-то уснул.

В этот вечер, собравшись на годекане, старики только и

говорили об Амире-Ашрафе:

– Что-то случилось с нашим муллой. Ходит подавленный, замкнутый...

– А чему радоваться? Болезнь, годы...

– К Али-Султану зачастил в последние дни. Интересно, о чём они там ведут разговоры? Ведь Али-Султан партийный...

– Ну и что?.. Али-Султан – друг детства, к тому же сосед... Амир-Ашраф и в самом деле каждый вечер приходил к Али-Султану. Ему хотелось лишний раз услышать от него, что он поступил правильно, послав Керима за внуком.

Али-Султан понимал, что друг попал в сложное положение. «Не каждый отважится привести в дом неизвестную женщину-иноверку с ребёнком на руках. И, конечно же, ему надо было самому под каким-то предлогом поехать вместе с сыном к этой женщине и на месте разобраться во всём. А потом уж принимать решение...»

Но вслух Али-Султан не высказывал своего мнения.

– Ничего страшного, – успокаивал он друга. – Не захочет Селим признать сына – не беда. На старуху свою цыкнешь, на болтовню сплетниц – плюнешь... В конце концов, какое кому дело? Лично я считаю, что ты поступил правильно. Внуки – это большое счастье. Не каждому дано порадоваться им. Я бы своего внука тоже ни за что не оставил на произвол судьбы, кто бы его не родил.

После беседы с Али-Султаном Амир-Ашраф всё больше

утверждался в своей правоте.

Летели дни. Прошла неделя, другая... От Керима – никаких известий. Амир-Ашраф совсем потерял покой. С утра до вечера стоял он у калитки и смотрел на дорогу: не покажется ли сын? Ни с женой, ни с дочерью почти не разговаривал. На любой их вопрос отвечал раздражённо, сердито.

Обеспокоенная Зухра отправила Умму в город узнать у Селима, что произошло между ним и отцом и не известно ли ему, где находится Керим.

Умму вернулась из города ни с чем. Где находится брат, Селим не знает. И о своём разговоре с отцом ничего ей не сказал.

Вечером Зухра решительно вошла в комнату мужа:

– Где Керим? Куда и зачем ты его отправил?

– Он поехал в дом отдыха, – стараясь быть спокойным, ответил Амир-Ашраф.

– Зачем же ехать скрытно от матери? Ты, старый, что-то плутуешь.

– Не твоё бабье дело! – взорвался Амир-Ашраф. – В конце концов, я отец сыну или враг? Неужели ты думаешь, что я могу послать его сделать что-то плохое?

Зухра, испугавшись гнева мужа, покорно опустила голову:

– Я знаю, что не враг, а любящий отец. Но прошу, ради Аллаха, успокой мою душу, скажи: куда делся Керим? Ведь я измаялась от всяких дум, лишилась сна...

– Успокойся. Он скоро вернётся, и ты тогда узнаешь, куда

и зачем я посылал его.

Прошёл месяц. Керим будто в воду канул. Амир-Ашраф решил обратиться за помощью к Али-Султану. Придя к нему, он сказал:

– Брат мой, может, беда нависла над моим очагом: покой потерял, сердцем истомился, места себе не нахожу. Прошу тебя, поезжай в город, обратись в милицию, пусть розыск объявят на Керима.

– Хорошо, – кивнул Али-Султан, – я завтра поеду и сделаю всё, как нужно. Но ты зря волнуешься. Рязань далеко, путь не близкий. Да и для того, чтобы на месте всё уладить, время необходимо...

На следующий день рано утром Али-Султан отправился в город.

– Не задерживайся там, поскорее возвращайся, – напутствовал его Амир-Ашраф.

Прошёл день, второй... Али-Султан в ауле не появлялся, и никаких вестей от него не было. «Наверное, стряслась какая-то беда с Керимом, – решил Амир-Ашраф. – Надо ехать самому в город». Он позвал жену и сказал ей, что хочет проведать Селима и прямо сейчас поедет к нему.

– О, Аллах! – схватила за голову Зухра. – С ума сойти можно! Что за тайные дела творятся вокруг?.. Исчез сын, пропал Али-Султан! Теперь ты что-то надумал. Чего это ты вдруг решил проведывать Селима? Хорошо, поезжай! Но

учти: и я поеду следом!

– Тогда собирайся. Поедем вместе, – глядя в заплаканное лицо жены, сказал Амир-Ашраф.

...Маленький седобородый старик, опираясь на посох, то-ропливо шагал на окраину аула, где вдоль русла реки проле-гала дорога, ведущая в город. За ним семенила высокая ши-рокоплечая старуха в чёрном платке.

День был пасмурный, прохладный. Накрапывал дождь. Старик с женой-старухой подошли к обочине дороги и стали ждать попутную машину в город.

Тучи сгустились, дождь пошёл сильнее. Амир-Ашраф смотрел то на небо, то на жену, похожую на большую нахох-лившуюся ворону. Вдруг он хлопнул руками по мокрым по-лам бешмета и раздражённо сказал:

– Тьфу ты, я и забыл, что сегодня воскресенье. А машины по воскресным дням ходят редко. Да и время уже позднее.

– Что же делать? – спросила его Зухра.

– Поедем завтра. А сейчас вернёмся домой.

Не успели они войти во двор, как со стороны дороги по-слышался шум мотора. Амир-Ашраф быстро поднялся на веранду и, глянув вниз, увидел легковую машину, которая, свернув с шоссе, направилась к аулу. «Наверное, кто-то из городских начальников приехал», – решил он. Но на площа-ди, перед зданием правления колхоза и сельсовета, машина не остановилась. «Может, это Али-Султан торопится с ка-кой-то важной вестью?» – подумал Амир-Ашраф и, спустив-

шись по лесенке с веранды, выбежал во двор.

Распахнулась калитка, и Амир-Ашраф узнал в сгустившихся сумерках сына. Одной рукой он прижимал к груди мальчика, в другой руке нёс увесистый чемодан. За ним вошла женщина, высокая, худенькая, в коротком платье, с большим узлом и сеткой в руках.

– Керим, сын мой, наконец-то! – воскликнул Амир-Ашраф, радостно улыбаясь. Прищуriv глаза, он пошёл навстречу с протянутыми вперёд руками: – Неужели мой внучек?

– Да, отец, по всем статьям. А основные приметы на лице. Погляди сам – копия Селима.

Малыш, увидев в сумерках бородатого старика, крепко обнял Керима за шею.

– Не бойся, Амир! Это твой дедуля. Иди к нему на ручки. Помнишь, мы тебе говорили о нём? И мама, и я.

От радости и счастья Амир-Ашраф прослезился. Прижимая к груди внука, он поспешил в дом, бросив дочери, выбежавшей на крыльцо:

– Ты что стоишь как вкопанная? Включай скорее свет. Разве не видишь, гости приехали?

Умму юркнула в кунацкую, щёлкнула выключателем.

Увидев в окно сына с ребёнком, потом незнакомую женщину, Зухра решила, что гостя – попутчица Керима, живёт в соседнем ауле и заехала, чтобы переждать дождь. Но почему старик так повёл себя? Почему он так обрадовался малы-

шу? К груди прижал, словно родного. Странно...

– Кого ты привёз? – тихо спросила она Керима, показывая глазами на незнакомую женщину.

Керим ничего не ответил. Придерживая рукой раскрытую дверь кунацкой, он пригласил гостью в дом.

Амир-Ашраф, оставив гостей с Керимом в кунацкой, вошёл в кухню и позвал туда жену и дочь. Когда они подошли к нему, недоумённо переглядываясь, он тихим, спокойным голосом сказал:

– Это приехала фронтовая подруга нашего Селима с его сыном.

– Вай-вай! – Зухра всплеснула руками.

– Не кричи! – одернул её Амир-Ашраф. – Лучше приготовь поскорее ужин. Люди с дороги. Голодные.

Но Зухра не могла успокоиться. Раскачиваясь из стороны в сторону она продолжала причитать:

– Незаконная... с ребёнком... через три года после войны... Что скажут люди?.. Как смотреть в глаза соседям?..

– Ума у тебя никогда не было и к старости не набралось, – буркнул Амир-Ашраф и вышел из кухни.

– Мама, не переживай. – Умму подошла к матери, обняла её за плечи. – Ну, что с того, что она приехала? Побудет и уедет...

В кухню вошёл Керим.

– Что ты наделал? Кто тебе велел? Зачем привёз? – набросилась Зухра на сына.

– Велел отец. А что в том плохого? – пожал плечами Керим. – Разве не может твой родной внук, мой племянник, приехать к нам? Это же продолжатель нашего рода. И разве ребёнок в чём-нибудь виноват? Пусть Селим и Марина сами разбираются в своих отношениях. А ребёнок, если даже не останется с нами, должен знать свою родню.

Умму направилась в кунацкую, чтобы при свете лучше разглядеть гостью.

Женщина была длинноногая, рыжая, с большими серыми, впалыми глазами, правый глаз немного косил. Она не понравилась Умму. Представив рядом с ней Селима – стройного, плечистого, черноусого, кареглазого красавца, – Умму скривила в ухмылке губы. Засидевшись в девках, она с презрением смотрела на всех женщин. В каждой из них она видела соперницу. Девушек в ауле и так хватает, а вот джигитов мало: многие не вернулись с войны.

– Надо же, – сказала она, войдя снова в кухню, – и что Селим нашёл в этой женщине?.. Любая наша девушка в сто раз лучше её...

– А ты, красавица, помолчи, не подливай масла в огонь, – грубо оборвал сестру Керим.

– Ещё вашей ссоры здесь не хватает, – вздохнула Зухра, всхлипывая.

– Ну и *ну*... Ведёт себя как... Ничего же страшного не случилось. Души у вас нет и совести не хватает! – с возмущением сказал Керим и вышел во двор, хлопнув дверью.

Последние слова его смутили Зухру и Умму. Зухра вытерла глаза и, выйдя следом за сыном из кухни, направилась в кунацкую.

Марина сидела на старом, обитом жестью сундуке, усталая, измученная дорогой, и с улыбкой смотрела на сына, который стоял на коленях у деда и водил пальчиком то по его щетинистым усам, то по белой бороде.

Когда Зухра при ярком электрическом свете увидела ребёнка, она застыла от удивления. Пробудившееся материнское чувство растопило лед на её сердце. «Сыночек!» – хотела воскликнуть она, но сдержалась и смущённо произнесла:
– Родной мой...

«Ну, слава Аллаху, признала», – обрадовался Амир-Ашраф и, чтобы окончательно закрепить родственный союз, подал внука жене. Мальчик без сопротивления пошёл к Зухре, хотя глазёнки его испуганно рассматривали незнакомую бабушку.

Скрипнула калитка. Керим вскочил со стула, отворил дверь. На пороге в промокшем бешмете остановился Али-Султан.

– Вах! Да вы, кажется, все в сборе! – весело воскликнул он, входя в кунацкую.

– В сборе, в сборе, брат мой, благодаря милости Аллаха, – ответил Амир-Ашраф.

Али-Султан снял у порога сапоги, сбросил с плеч мокрый бешмет и стал разглядывать гостей. Взгляд его сначала за-

держался на Марине. «Моя Набат в молодости была намного красивее. Да она и сейчас по красоте не уступит этой женщине, – подумал он. И перевёл взгляд на мальчика. – О, вот это будет джигит! Какой красавец! Вылитый отец!»

– Ну, брат мой, ради таких гостей я бы на твоём месте немедленно зарезал барана или хотя бы индюка, – сказал, улыбаясь, Али-Султан.

– Будет, всё будет, – кивнул Амир-Ашраф.

– Ну что ж, можно и индюка, – вздохнула Зухра. – Керим, походи выбери пожирнее. А ты, Умму, поставь воду кипятить, – распорядилась тут же она.

Зухра была рада возвращению сына, и внук пришёлся ей по душе. Но Марину она отвергла сразу. Нет, эта женщина не пара для её Селима. И она никогда не назовет её невесткой, а тем более дочерью...

Потоптавшись ещё немного среди мужчин, Зухра вышла в кухню.

В кунацкую вбежала запыхавшаяся Набат.

– Приехали? И мой старый орёл здесь? – Белое, холёное лицо Набат расплылось в улыбке. Она и в старости была красива. – Что же это ты сразу к соседям, а не домой? – упрекнула Набат незлобиво мужа.

– Какая разница. Разве у нас не один дом? – ответил шуткой Али-Султан.

Набат без стеснения стала разглядывать гостью.

Смущённая Марина опустила голову. «Неужели здесь да-

же пожилые женщины такие красивые?..» – подумала она с завистью и ещё больше съёжилась, сгорбилась под пристальным взглядом Набат. Ей стало неудобно. Зачем она приехала сюда? Кому она здесь нужна? Всё для неё здесь чужое. Она не знает даже языка этих людей. А они почти все говорят на своём, лезгинском, языке. Почему? Плохо знают русский? Или не хотят, чтобы она слышала, о чём они толкуют?..

– Ты что это уставилась, будто коршун на воробушка? – сказал Али-Султан жене.

– Да вот стою и гадаю, откуда такая гостья.

– Это фронтовая подруга моего Селима, – спокойно объяснил Амир-Ашраф и подбросил на руках внука.

– О, какой милый ребёнок! – воскликнула Набат. – Чей же это джигит?

– Мой внук, её сын, – кивнул Амир-Ашраф в сторону Марины.

– Что я слышу! Неужели это правда? – В глазах Набат застыло удивление.

– Правда, жена, правда, – улыбнулся Али-Султан.

– Ну что ж, тогда поздравляю тебя, Амир-Ашраф, с приездом родственников. Пусть нога твоей невестки будет лёгкой. Да воцарится с её приходом мир и счастье в твоём доме!

– Спасибо, сахарная госпожа. – Амир-Ашраф склонил голову. Когда у него было хорошее настроение, он всегда называл Набат «сахарной госпожой».

Набат, поцеловав малыша, вышла из кунацкой и направи-

лась в кухню.

– Ты видела? – подскочила к ней Зухра. – Видела, кого привезли?

– Видела. Выглядит она жалкой. Но мальчик очень красивый.

– Да, внучек хороший. Но она... Хоть сейчас в саван заворачивай, – сокрушённо вздохнула Зухра.

– Ничего, может, ему она совсем иной кажется.

– Кому? Моему старику?

– Не старику. Селиму.

– Да Селим и знать не знает, что её привезли...

– О, Аллах! Как же это, без его ведома? – всплеснула руками Набат.

– А вот так По воле старого. Это он послал Керима за нею. Видно, Селим отказался от неё, поэтому и поссорился с отцом. Вот уже больше месяца, как не появляется в доме. Старик мой, наверное, и твоего втравил в это дело. Не иначе как за ними в город посылал.

– Откуда она хоть родом?

– Аллах её знает. Ещё не успели ни о чём расспросить. Уселась вон в кунацкой рядом с мужчинами и сидит. А ведь молодой женщине нехорошо долго задерживаться возле мужчин.

– Может, она этого не знает. У русских мужчины и женщины, старые и малые, – все находятся вместе.

– Ну, это ещё ничего. Привыкнет со временем к нашим

обычаем. А вот как поведет себя Селим, когда придет? – покачала головой Зухра. – Чует моё сердце: не уступит он отцу, не сойдётся с ней. Нет, Селим – мужчина самостоятельный, твёрдый, умеет настоять на своём. Это Керим – телёнок, что ему отец скажет, всё беспрекословно исполняет.

– А разве плохо, когда сын подчиняется отцу?

– Это хорошо. Но не во всём надо быть покорным. Ты ведь знаешь, что старик мой сумасбродный, сама видишь, что на-творил.

– Тут всё дело, наверное, в ребёнке. Амир-Ашраф пожалел малыша. Я сразу заметила, что значит для него внук. Какими счастливыми глазами смотрит он на него! Мой тоже любит детей. Он хоть и молчит, но я-то вижу, как он переживает, что у нас нет детей.

– Да я не против внука. Я против этой фронтовой подружки... Я не могу даже представить её рядом с Селимом. Ты же знаешь, от каких красавиц он отказался. Осмеют люди нас.

– Нет никакого повода для осмеяния. Вы же не совершили преступления, не унизились недобрым деянием, – начала успокаивать Зухру Набат.

В кухню вошла Умму, неся за лапы ошипанного индюка. Следом за ней появился Керим с внуком на руках. Сняв с мальчика штанишки, он поставил его перед тазом.

– Писай, Амирчик, не стесняйся женщин.

Увидев, что мать очень опечалена случившимся, Керим присел рядом с ней и ласково заговорил:

– Мама, успокойся и не забывай, что хозяйева всегда должны с почтением относиться к гостям.

– Это так, сынок, и я не выгоняю её. Но если бы она была просто случайной, временной гостьей.

– Поверь, мама, Марина – женщина хорошая, мягкая, добрая, она красива душой. И ехать к нам, несмотря на своё тяжёлое положение, без ведома и согласия Селима не хотела. Мне пришлось долго убеждать и уговаривать её. Потому и задержался там. А мальчик потянулся сразу ко мне. В первые дни даже папой называл. Всё время бегал за мной. Мальчикам всегда требуется мужская рука. Если бы ты знала, как я полюбил его! Если Селим откажется от них, то я возьму Амира на воспитание. Мне кажется, что теперь я не смогу жить без него.

– А может, ты и женишься на ней, если Селим откажется? – скривила в ухмылке губы сестра Умму.

– Ну и дура же ты.

– Почему дура? Делают же так некоторые.

– Потому дура, что разумный человек, прежде чем что-то сказать, думает, особенно когда шутит, – ответил Керим сердито и, подхватив на руки племянника, вышел из кухни.

Весть о приезде «русской» жены Селима с утра разнеслась по всему аулу. Любопытные соседки под всяким предлогом старались войти в дом муллы Амира-Ашрафа. Девушки не давали прохода Умму, расспрашивали её: как выгля-

дит приезжая, в чём одета? Их всё интересовало. Не одна из них вздыхала украдкой по Селиму, надеялась на его любовь. И вот теперь...

В домах, на улицах только и говорили об этом событии.

– Интересно, почему Селим сам не привёз её сразу же после окончания войны?..

– Да-а, бросить своего ребёнка... Это самый большой грех на земле...

– А может, сынок и не его. Бывает же: городскую очарует какой-нибудь прохвост, а она потом, чтобы избежать позора, бросается на простачка и говорит, что ребёнок его...

– Почему же тогда Селим до сих пор не женился? Ведь ему уже под тридцать...

– Да и отец хорош, приютил иноверку в доме. А ещё мулла...

– Ну, то, что она иноверка, ничего страшного. Русские такие же, как и мы, люди. Многие джигиты брали себе в жёны русских девушек. И хорошо живут...

– Мулла может сделать свою русскую невестку мусульманкой. Уговорит её принять нашу веру...

– И такое может быть.

– Мулла – настоящий человек, истинный, добропорядочный мусульманин. Да и кто может сказать о нём что-нибудь плохое?.. Он правильно поступил. Разве можно бросать внука на произвол судьбы?..

Вечером, на второй день после приезда Марины с сыном, Амир-Ашраф сказал жене:

– Дай невестке два светлых платка и сшей для неё два длинных платья. И ещё прошу тебя: не выставляй её напоказ своим приятельницам.

– Показывать-то нечего, – буркнула Зухра.

Амир-Ашраф сердито посмотрел на жену:

– Болезнь и горе никого не красят... Когда ты болеешь, тоже не лучше выглядишь.

Марина чувствовала на каждом шагу заботу и внимание Амира-Ашрафа и неприязнь Зухры и Умму. Эта неприязнь тревожила её, омрачала душу.

Марина сразу приобщилась к домашней работе. Поднявшись рано утром, шла доить корову, подметала двор. После завтрака мыла посуду, убирала в комнатах, стирала бельё. Делала она, как всегда, всё старательно, с любовью. И не потому, что хотела показать себя, угодить Зухре и Умму. Нет, в работе она искала утешение и отвлечение от гнетущих дум.

За две недели Марина побелила комнату Амира-Ашрафа, кухню, кунацкую. Перестирала всё постельное бельё. Вымыла и вычистила всю обувь.

– Видишь, как старается, из кожи лезет, чтобы угодить старому, – сказала однажды Зухра дочери, кивнув на Марину.

– Нашлась чистюля, – поджала презрительно губы Умму. – Ей только уборщицей и работать. И хорошо, что Селим

не едет. К кому тут ехать...

– Ой, дочка, – вздохнула Зухра, – боюсь, что она себе на уме. Приберёт она постепенно всех нас к рукам с помощью одуревшего твоего отца.

– Ничего, лишь бы Селима не прибрала. Она не только в жёны, но даже в домработницы ему не годится. Оставила бы мальчика да и уходила на все четыре стороны. Все девушки в ауле смеются над ней. Заморской птицей называют.

И всё-таки и Зухра, и Умму в глубине души были довольны Мариной. Ведёт себя скромно, тихо. Ничем им не мешает. Наоборот, даже помогает. Почти всю, не такую уж и лёгкую, домашнюю работу взвалила на свои хрупкие плечи...

Амир-Ашраф сразу заметил трудолюбие Марины. И не удержался, чтобы не поддеть жену и дочь:

– Вот у кого вам надо поучиться работать. Настоящая хозяйка. С такой женой самый бедный муж будет чувствовать себя богачом.

Однажды, вернувшись из мечети, он увидел, как Умму швырнула в кучу грязного белья, которое собиралась стирать Марина, своё платье.

– Это что? – спросил Амир-Ашраф, ткнув концом палки в платье дочери.

– Как – что? – улыбнулась Умму. – Моё платье.

– А кто его должен стирать?

Умму молчала.

– Ну, что ты увидел плохого в том, что Марина заодно по-

стирает и платье Умму? – встала на защиту дочери Зухра. – Стирает же она рубашки и твои, и Керима...

– Мы – мужчины. А что касается Умму, то свои вещи пусть стирает сама. И не только своё, но и твоё, и моё, и брата, потому что она – дочь и сестра нам и моложе всех нас в доме. А ну-ка давай становись и стирай! – приказал Амир-Ашраф Умму, а Марине сделал знак рукой, чтобы она отошла.

Марина поняла, о чём говорил Амир-Ашраф с дочерью и женой. Она не хотела, чтобы из-за неё в доме был скандал, да и не такой уж это тяжкий труд – постирать лишнее платье, тем более Умму носила воду.

Глядя умоляюще в глаза Амира-Ашрафа, она тихо сказала:

– Не надо. Я сама...

Но старик будто не слышал её. Его лицо стало сердитым.

– Бессовестные! – гневно закричал он. – Вы думаете, что в дом пришла рабыня, чтобы гнуть спину на вас?! Всё взвалили на неё! Не по душе пришлась! Извести работой хотите?! Так я не позволю вам этого! Пока жив, она будет пользоваться в моём доме равными правами со всеми! – Амир-Ашраф перевёл дух и шагнул к дочери: – Как тебе не стыдно, лентяйка! Учиться в техникуме не захотела и в хозяйстве никуда не годишься! Потому тебя никто и замуж не берёт!

Умму заплакала.

– Ты что оскорбляешь дочь? – набросилась Зухра на му-

жа, её особенно задели его последние слова. — Или выжил из ума?! Я вижу, ты готов зарезать нас, как жертвенных баранов, и нашим жиром смазывать этой иноверке пятки!

— А ну, замолчи! А то я тебя сейчас... — Амир-Ашраф поднял посох.

Испуганная Марина встала между ними.

На шум прибежал внук Амир. Увидев палку над головой матери, он громко заплакал. Амир-Ашраф отбросил посох и, подхватив на руки плачущего внука, ушёл в свою комнату.

— Ад, настоящий ад, хоть беги из дома, — запричитала Зухра, разбрасывая грязное бельё.

После этого скандала Марина совсем сникла. Её надежда на то, что она обретёт близких людей в лице бабушки и тёти сына, рушилась на глазах. «Надо уезжать, скорее уезжать отсюда», — думала она.

Но осуществить своё намерение у неё не хватало сил. Она видела, что и Зухра, и Умму любят Амира. А ей так хотелось, чтобы рядом с сыном всегда находились родственники, которые разделяли бы вместе с ней любовь к нему.

Несмотря на заботу и внимание Амира-Ашрафа, которого Марина полюбила за эти дни, как родного отца, даже стала называть его «папой», она чувствовала себя в доме чужой.

Зухра и Умму считали её виновницей гнева главы семьи, виновницей всех ссор и скандалов. Они уже открыто с презрением смотрели на нее, сторонились ее, даже есть стали отдельно.

Узнав об этом, Амир-Ашраф сказал жене:

– Для меня, ребёнка и моей невестки еду подавайте в мою комнату.

– Да ты что, в своём уме? – возмутилась Зухра. – Собственную дочь не сажаешь рядом, а эту... Ты бы ещё на голову её посадил.

– На голову я её не посажу, а есть она будет со мной, если вам с нею тесно. И нет в этом ничего плохого. Едят же в городе мужчины с женщинами за одним столом.

– Уж не от неё ли ты городской культуры набрался? – с ехидцей спросила Зухра.

– Хорошее не грех перенимать от всех людей. Я же не дикий человек, а просвещённый.

– Но не забывай, что ты – мужчина, мусульманин, мулла.

– Всё это приложение к человеку. Ты забыла добавить, что я ещё сапожник, а значит – не хан, не бек, чтобы возвышаться над простыми смертными.

– А почему же ты тогда стараешься возвыситься над своими домочадцами, даже над своим сыном Селимом, бывшим офицером, а теперь инженером, начальником?

– Потому что я – голова, отец, хозяин дома, воля которого для всех вас должна быть священна. Дом – это тоже маленькое государство, в котором должен верховодить один, старший, иначе никакого порядка не будет. А что касается чинов, званий и положения моего сына, то они должны представлять авторитет для тех, кто ему подчинён.

– Да, тебя не переспоришь, – махнула рукой Зухра. – Ладно, пусть садится за стол с нами. Не будем нарушать наших обычаев.

– Вот это другой разговор, – удовлетворённо произнёс Амир-Ашраф.

Зухра понимала, почему муж проявляет такую заботу об иноверке. Но примириться с этим не могла. Как все горянки, верила в Бога, в чертей, в домовых. Вот и решила, что Марина знает какое-то колдовство, которое помогло ей в годы войны завладеть сердцем Селима, а теперь и сердцем её старика. Избавить мужа от колдовских чар иноверки могла только старая кудесница-гадалка Гажар. И Зухра решила обратиться к ней за помощью.

Обо всём, что происходило в доме муллы Амира-Ашрафа, хорошо знали все аульчане. Знали со слов Зухры и Умму, которые любили на людях «почесать языки». Поэтому, когда Зухра явилась к Гажар, та, не спрашивая ни о чём, быстро разложила на столе замусоленные карты и тут же поведала ей «всю правду». Зухра была поражена «ясновидением» Гажар, её способностью «отгадывать» чужие тайны.

Положив перед ней новую, хрустящую сторублёвку, сказала:

– Дорогая сестра Гажар, помоги беде моей, избавь мужа от чар иноверки. Стыдно мне за него. Всё принимает из её рук и тут же, не совершив омовения, берется за Коран. А ведь

он – мулла. Целый день возится с внуком, который ещё не обращён в ислам, которому до сих пор не сделано обрезание. Но ребёнок – существо святое, и нет греха в общении правоверного с ним. А вот мать его – русская, иноверка. Она никто для нас – ни дочь, ни сестра, ни невестка. Но муж заботится о ней, словно о родной дочери. Дорогая Гажар, сделай так, чтобы он отвернулся от неё, как от нечисти. Даже если мой сын Селим захочет узаконить с ней брак, я буду против. Помоги мне – ничего для тебя не пожалею.

– Хорошо, – кивнула Гажар, – помогу. Отрежь от платья иноверки и от рубахи мужа по лоскутку и принеси мне.

Обнадёженная Зухра на второй же день принесла гадалке два лоскута материи. Гажар при ней бросила их на медное блюдо, подожгла и начала кружиться по сакле, бормоча заклинания. Затем вынесла блюдо во двор и разбросала пепел вокруг себя.

– Всё, теперь твой муж расколдован. Можешь быть спокойна, – сказала она хриплым голосом.

Зухра, поблагодарив, протянула ей ещё сто рублей и, довольная, отправилась домой.

В течение нескольких дней она внимательно следила за мужем, но никаких перемен в его поведении не замечала. Он по-прежнему был внимателен к Марине, проявлял заботу о ней и по-прежнему покрикивал на родную дочь и на неё, Зухру.

«Странно, – думала она. – Неужели колдовство этой рус-

ской сильнее колдовства нашей Гахар? Выходит, сильнее. Муж ни в чём не изменился, каким был, таким и остался. Наверное, такова воля Аллаха. И никакая кудесница мне не поможет».

Зухра решила не ходить больше к гадалке.

Амир-Ашраф каждый день ждал приезда Селима, который вот уже около двух месяцев не появлялся в доме.

Наконец, не выдержав, он сказал Кериму:

– Дай этому городскому начальнику телеграмму, пусть немедленно приезжает.

Керим тут же побежал на почту.

Амир-Ашраф переживал и сожалел, что так грубо обошёлся со старшим сыном, ударил его посохом. С тех пор как Селим поступил в институт, он ни разу не наказал его. Да и не за что было наказывать. Селим, хотя и был немного упрямым, не пил, не курил, достойно, как и подобает настоящему джигиту, вёл себя с девушками.

«И как это у меня поднялась рука на него, – сокрушался Амир-Ашраф и тут же успокаивал себя: – Ничего, я – отец. А рука родного отца ни унижения, ни боли не причиняет. Не зря в народе говорят: детей надо любить, как душу, а трясти, как грушу. Вон ювелир Булат не бил сына, смотрел сквозь пальцы на все его проделки, потакал всем его прихотям. И к чему это привело? Вырос – и не стал ни работать, ни учиться. Предался разгульной жизни. Обокрал в городе квартиру

своей невесты. И сидит теперь в тюрьме... Да, я правильно сделал. Тоже мне инженер, начальник... Пусть знает, что в своём доме для него и остальных я – начальник...»

Амир-Ашраф не сомневался в том, что Селим в конце концов уступит его желанию и воле...

Думы старика прервал внук. Вбежав в комнату, он повис у него на шее. Вслед за сыном вошла Марина. Она хотела увести ребёнка, но Амир-Ашраф сказал ей:

– Не надо. Пусть будет здесь.

– Он же не даст вам покоя.

– Это хорошо. Развеет моя голова. – Амир-Ашраф поцеловал внука, усадил его на колени. Затем цепким взглядом окинул Марину с головы до ног: – Ты, дочь моя, одень хороший платье, хороший платок.

Марина кивнула и быстро вышла из комнаты. Она не хотела, чтобы Амир-Ашраф видел слёзы радости на её глазах. Она знала, что Селиму послана телеграмма и что скоро он должен приехать. Поэтому Амир-Ашраф и сказал ей, чтобы она хорошо оделась.

Марина догадывалась, что это из-за неё Селим поссорился с отцом. Догадывалась и о том, что Амир-Ашраф хочет насильно навязать её сыну. Зачем? Ради чего? Ради ребёнка? Но ведь насильно мил не будешь. И сын Амир тут не поможет. Да, она любила Селима все эти годы. Любит и сейчас. Но чтобы любовь приносила счастье, она должна быть взаимной. А Селим отвернулся от неё. Зачем же она прие-

хала сюда? Сколько раз она порывалась подхватить на руки сына и бежать куда глаза глядят. Но тут же одёргивала себя: «Не смей! Не делай этого! Вспомни те страшные ночи, когда ты боролась со смертью, в отчаянии падала духом и только любовь к сыну поддерживала твои силы! Вспомни, как ты в первом и, может быть, последнем письме к Селиму умоляла его позаботиться о родном сыне! Тогда твои мысли путались, ослабевшая рука дрожала. Но теперь это всё позади. В мире много добрых людей. И один из них – Амир-Ашраф. Он любит внука, он не даст его в обиду. Теперь ты не имеешь права говорить, что у тебя нет на свете никого из близких и родных...»

Да, Амир-Ашраф заменил Марине отца. Она и сама не заметила, когда у неё появились к нему дочерние чувства. Она потянулась к Амиру-Ашрафу всей душой, видела в нём свою поддержку и опору. Расстаться с ним, с отцом, ей было уже нелегко. Но кроме Амира-Ашрафа её удерживал здесь ещё и... Селим. Маленькая надежда на то, что у него при виде сына вспыхнет любовь к ней, всё-таки теплилась в её сердце.

...Услышав радостный голос Зухры в прихожей: «Вай, вай, Селим!...», Марина вздрогнула, уронила нож – она готовила на кухне ужин – и тут же бросилась в комнату Умму, которую Амир-Ашраф выделил для неё и сына.

Стоя за дверью, затаив дыхание, она прислушивалась к шагам в доме. Вот сейчас с шумом распахнётся дверь и по-

рог переступит он, Селим... «Каков он теперь? Как выглядит в гражданской одежде?.. Как вести себя с ним?.. Холодно протянуть руку... А вдруг кинусь на шею и расплачусь? Нет, нет! Только не это. Надо взять себя в руки. Тише, сердце, тише... Успокойся...»

Глава четвёртая

Селим, войдя в прихожую, обнял, поцеловал мать, похлопал по плечу сестру, пожал руку брату.

– Отец у себя?

– Да, сидит, забавляет внука, – недовольно ответила Зухра.

– Какого внука? – переспросил удивлённый Селим. И сердце его дрогнуло – он понял, кто этот мальчик.

– Моего племянника, твоего сына, – улыбнулся Керим.

– И подруга твоя фронтовая приехала, – добавила Зухра.

Селим посмотрел растерянно на мать, на Умму, на Керима. Догадался, что дело не обошлось без участия этого увальня, во всём покорного отцу. Хотел отругать его, но передумал. Что это даст?..

Селим сожалел сейчас об одном: что не сказал отцу в тот день о Фариде, о своём намерении жениться на ней. Да, если бы он открыл тогда свою тайну отцу, всё могло бы обернуться иначе. А может, и нет? Может, ничего бы не изменилось? Кто знает, как повёл бы себя отец в таком случае. От него всего можно ожидать. Он слишком мягок и слишком добр к людям. А дети для него превыше всего. И ради внука он пойдёт на всё.

Селим был уверен, что отец всё же не решится без его согласия приглашать Марину с ребёнком. Но где-то в глуби-

не души таилось беспокойство: а вдруг это случится? И вот сейчас, войдя в прихожую, он сразу почувствовал, что это свершилось.

У порога отцовской комнаты Селим увидел маленькие детские чувячки. Сердце его учащённо забилося, будто он пробежал несколько километров. «Неужели мой сын? Каков он?.. А что сказать ей при встрече? Как повести себя с ней? Как с обычной гостьей... Дать понять своим равнодушием, безразличием, что мы просто знакомые, бывшие фронтовые друзья. И только?..»

Все эти мысли промелькнули в сознании Селима, пока он снимал у двери туфли: Амир-Ашраф никому не позволял входить обутым в свою комнату.

Услышав, что приехал сын, Амир-Ашраф с нетерпением ждал его, держа на коленях внука.

Селим распахнул дверь, переступил порог и остановился, глядя на ребёнка с каким-то необъяснимым душевным трепетом, потом, посмотрев на отца, тихо произнёс:

– Здравствуй, папа!

– Здравствуй, сын мой! Да будет добрым час твоего приезда!

Увидев вошедшего незнакомого мужчину, Амирчик прижался к старику и, вытянув пальчик, произнёс:

– Дядя писол...

– Ну, что теперь скажешь, сынок? Чей ребёнок? – улыбнулся Амир-Ашраф.

Селим молчал. Мальчик был очень похож на него. Амирчик заёрзал на коленях деда:

– Дядя писол... Дядя писол...

– Это не дядя, а твой папа, – склонившись над внуком, сказал Амир-Ашраф.

Селим присел на корточки перед сыном и ласково зашептал:

– Да, я не дядя, я твой папа, иди ко мне. – Он хотел взять его на руки, но сын закричал:

– Нет, нет! Мой папа – деда.

Амир-Ашраф прижал одной рукой внука к груди, другой стал гладить его по головке:

– Ты хороший мальчик. Моя мальчик, умный мальчик. Иди к папа, папа тоже хороший дядя.

Амирчик неохотно сполз с колен деда.

Глаза Селима радостно заблестели. Подхватив сына на руки, он закружился с ним по комнате.

– Ты папа-дядя... Ты папа-дядя... – закричал весело Амирчик.

– Нет, я твой настоящий, родной папа. Понимаешь, родной? – Селим то подбрасывал сына, то прижимал его к груди, целовал в губки, в щёчки. – Ты мой сынок, а я – твой папа. Понимаешь?

– Понимаес... Ты дядя-папа...

– Ничего, привыкнет, – сказал Амир-Ашраф, усаживая внука снова к себе на колени.

Селим сел напротив. Он не сводил глаз с сына. «Надо же, всё в нём моё. Такие же, как у меня, брови, глаза, нос, ямочка на подбородке... Да, никто не усомнится, что это мой сын... – И вдруг он с ужасом подумал: – А ведь Марина могла умереть, не сказав мне о сыне. Что было бы тогда с ребёнком? Рос бы в детдоме, среди чужих людей, не зная, что у него есть отец, есть дедушка, бабушка, дядя, тётя...»

От этой мысли Селиму стало не по себе.

Он вспомнил разбитый снарядами дом в каком-то белорусском городке. В подвале этого дома ютились осиротевшие дети. Худенькие, измождённые, одетые в тряпье. Бойцы окружили их, развязали вещевые мешки, начали доставать консервы, хлеб, сахар. У старшины оказалась плитка шоколада, он разломил её на кусочки и стал угощать малышей. Одна из девочек вдруг скривилась и, выплюнув коричневую жижицу, прошептала: «Кака!» Остальные малыши тоже стали выплёвывать шоколад.

Бойцы удивлённо переглянулись. А пожилой сержант-украинец присел на корточки перед ребятишками и, вытирая носовым платком коричневые потёки на подбородках детей, сокрушённо вздохнул:

– Да хибя ж воны знають, що таке цей шоколад. Им як нам, абы хлиб був...

Селим тогда был потрясён этой сценой. Она долго стояла у него перед глазами. И вот сейчас всплыла в памяти снова...

Нет, с его сыном такого не могло случиться. Сейчас не

война. В детском доме он был бы и сыт, и одет. У него всё было бы. Всё, кроме отца и родственников. И никто никогда не смог бы ему их заменить... Ну что ж, сын теперь под надёжной крышей. Он будет окружён и лаской, и теплом, и заботой... А вот как быть с ней, с его матерью?..

Селим представил молоденькую, молчаливую санитарку Марину, которая мотыльком порхала по госпиталю, не зная устали.

Он проникся к ней тогда просто уважением. Он не клялся в любви и ничего ей не обещал. Нет, он не сможет жениться на Марине, хотя их теперь и связывает сын. Не сможет, потому что любит другую...

Мысли Селима прервала мать. Тихо открыв дверь, она вошла в комнату, молча расстелила на ковре скатерть, поставила на неё поднос с голубцами и так же молча вышла.

Амирчик спрыгнул с колен деда, наклонился над подносом:

– Хочу кусать...

– Сейчас будем кушать, сынок, – улыбнулся Селим.

Вошёл Керим. Амирчик тут же подбежал к нему:

– Поели кусать.

– Пошли, джигит, пошли.

Усадив Амира-младшего к себе на колени, Керим стал кормить его голубцами. Ужинали молча. Притих даже внук. Набегался за день, устал. Умму внесла чайник. Селим отодвинул свой стакан в сторону.

– Мне не надо, я не буду пить. – Он встал, вышел в кухню.

Мать сидела, прижавшись спиной к стене, и о чём-то думала. Увидев сына, тепло посмотрела на него, улыбнулась, но ничего не сказала.

– Где она? – тихо спросил Селим.

– В комнате Умму.

– Что же делать будем?

– Не знаю, сынок, тебе видней.

– Ну и дела, – протянул Селим и, выйдя из кухни, направился в кунацкую.

Всё это время Марина не выходила из комнаты. Отказалась она и от ужина, когда Зухра позвала её к столу. Умму принесла ей хлеба и голубцов. Но Марина не прикоснулась к еде. Затаив дыхание она прислушивалась к каждому шагу в доме и думала только об одном: придёт Селим или не придёт?..

Вдруг раздался стук в дверь. Марина вся съежилась.

– Да, да. Я здесь. Входите, – дрожащим голосом произнесла она.

Вошёл Керим с сыном Амиром.

– Укладывай ребёнка, – сказал он и вышел.

Марина раздела сына, уложила его в кровать. Амирчик что-то щебетал, но она не слышала его. «Придёт или не придёт?.. Придёт или не придёт?..» – шептала Марина, и ей казалось, что голос её гремит на всю комнату, на весь дом.

Но Селим не слышал её. Войдя в кунацкую, он разделся,

лёг в постель и предался своим думам. «Что же делать? Как выбраться из этих дебрей? Что сказать, посоветовать Марине? Как объяснить всё Фариде?..»

Ночь давно уже укрыла аул чёрным покрывалом, но в доме Амира-Ашрафа всё ещё горел свет.

«Надо было давно женить Селима на местной девушке, – вздыхала Зухра. – Тогда этой иноверки не было бы в доме. И старик не сходил бы с ума...»

«Неужели Селим такой неблагодарный? – думал Амир-Ашраф. – Даже не поздравил с приездом мать своего сына. А ведь когда-то шептал ей нежные слова, обнимал её, ласкал. А может, он и сейчас горит желанием пойти к ней, но стесняется нас, родителей?..»

Марина продолжала ждать Селима. Она чувствовала себя виноватой перед ним – приехала без его ведома, без его согласия – и хотела скорее всё ему объяснить.

В доме стояла тишина – ни скрипа дверей, ни шагов. «Нет, он уже не придёт. А завтра, наверное, с утра уедет в город. Что же делать?.. Пойти к нему самой?.. Да, другого выхода нет...»

Марина накинула белый платок на плечи, тихо открыла дверь.

Услышав, что кто-то вошёл в кунацкую, Селим приподнял голову, включил настольную лампу. Яркий свет, брызнувший из-под зелёного абажура, словно луч прожектора, выхватил из тьмы край стола, подушку, лицо Селима. Ком-

нату залил бирюзовый свет. Никелированная кровать, на которой лежал Селим, ковёр, большой сундук, обитый железом, выглядели какими-то зелёными, неестественными.

Марина замерла у двери. Постояв несколько секунд, прошла в середину комнаты и снова остановилась. В белом платье, в белом платке она, словно привидение, то медленно приближалась к кровати Селима, то останавливалась в нерешительности. Наконец подошла к столу и, тяжело дыша, не сказав ни слова, опустила голову.

Селим тоже молчал. «Что ей надо? – раздражённо думал он. – Зачем пришла? Неужели полезет сейчас целоваться...» От этой мысли ему стало неприятно. Он сел на кровати, прикрыл ноги одеялом.

Марина подняла голову. Заметила, как дрогнули густые, почти сросшиеся на переносице брови Селима, потом сдвинулись так, что между ними пролегла глубокая бороздка. Марина уставилась в эту бороздку, не решаясь посмотреть Селиму в глаза. Она поняла, что он недоволен её вторжением среди ночи. Кровь отхлынула от её лица, закружилась голова. Марина пошатнулась и, чтобы не упасть, схватилась за спинку стула.

«Уж не собирается ли она разыграть комедию?.. Ну и пусть разыгрывает. Всё равно этим ничего не добьётся». Селим взял со стола пачку папирос. Закурил.

– Прости меня, я ведь не по своей воле приехала, – нарушила наконец молчание Марина. – Ты получил моё письмо?

– Да, – сухо ответил Селим.

– Наверное, я поступила неправильно. Но в ту ночь меня охватил страх. Не за свою жизнь, не за себя я боялась. Я привыкла к смерти на войне. Я боялась за ребёнка. Мне хотелось жить ради этого крошечного, беспомощного существа, нуждающегося в моей материнской помощи и заботе. – Марина почувствовала слабость в ногах, присела на краешек стула. – Поверь, я не хотела ехать сюда. Но Керим так убеждал меня, так настаивал на этом, что я согласилась. И я не сожалею, что приехала, хотя мне здесь не легко. Не сожалею, потому что все в доме хорошо относятся к сыну Амиру. Все его любят, заботятся о нём. А я не пришлась по душе твоей маме и сестре. Ну что ж, я не в обиде на них. Они правы, я не пара тебе. Ты – образованный человек, инженер... А кто я? Простая сельская девушка, свинарка... Если тебе угодно, я завтра же покину ваш дом. Вот только с твоим отцом расстаться мне будет трудно. Какой добрый, отзывчивый человек! Он заменил мне родного отца. Я никогда его не забуду. – Марина помолчала. Вдохнула. – Ты прости меня за то, что я вторглась в вашу семью без твоего согласия. Если тебе неприятно моё присутствие в доме, я уеду и больше никогда тебя не потревожу.

Селиму было приятно слышать добрые слова о своём отце. А в искренности этих слов он не сомневался. Ему стало жаль Марину.

– Зачем же уезжать, – пожал плечами Селим, – оставайся

и живи. Сама говоришь, что Амирчику здесь хорошо. Ни тебя, ни внука отец не даст никому в обиду. А на меня не надейся. У меня своя жизнь, свои планы. И совесть моя перед тобой чиста. Я ведь тебе никогда ничего не обещал. – Селим погасил окурок в пепельнице, поправил сползшее с ног одеяло. – От сына своего я не отказываюсь и буду помогать ему во всём, хотя в нашем доме ни ты, ни он ни в чём нуждаться не будете. Что касается твоей личной жизни, устраивай её как хочешь. Только, если будешь выходить замуж, сына оставь здесь. Он будет помехой для тебя. А у нас ему хорошо. Сама видишь, как все его любят, не чают в нём души. А меня прости, я не хочу обманывать ни тебя, ни себя. Я люблю другую.

Селим умолк. Снова протянул руку к пачке с папиросами. Закурил. Глубоко затянулся табачным дымом.

– Прости и ты меня, так уж получилось, – тихо сказала Марина и, опустив голову, направилась к выходу.

Когда Марина вышла, Селим швырнул недокуренную папиросу в пепельницу, встал с кровати и нервно заходил по комнате. Он был зол. Но не на Марину, а на отца. «Да, отец совсем не считается со мной. Зачем он привёз её? Я же не бычок, которого он хочет запереть в хлеву с понравившейся ему тёлкой. Нет, такому не бывать! Я сам устрою свою личную жизнь! И никто меня за Марину не осудит. Ведь она сама хотела близости со мной. В чём тут моя вина? Вот только как всё объяснить Фариде?.. Ну почему я не рассказал ей

обо всём сразу как только получил письмо? А теперь, когда Марина с ребёнком находятся в доме, сделать это будет намного труднее. Фарида такая, что может повернуться и уйти, даже не выслушав меня до конца. И дело ведь не только в Фариде. Ещё неизвестно, как отнесутся к этому её родители. Будь они простыми людьми, может, и не придали бы большого значения случившемуся. Поворчали бы, и всё, и смирились бы ради счастья дочери. Но мать Фариды – актриса, а отец – замминистра культуры. У них столько высокомерия, самолюбия. И, конечно же, они мечтают о более достойном муже для своей единственной дочери, чем я – сын бедного аульского муллы. Узнав, что у меня есть сын, они могут запретить Фариде встречаться со мной. И она не будет противиться. Хотя... Фарида – девушка современная. И может не посчитаться с волей родителей. Тем более я перед ней ни в чём не виноват. Всё ведь случилось до встречи с ней...»

Селим присел на стул, погасил в пепельнице дымившую папиросу и, уставившись на ковёр, стал вспоминать, как он познакомился с Фаридой.

Это случилось июньским вечером. Селим задержался в гостях у своего бывшего школьного товарища – хирурга Султана, с которым не виделся несколько лет. Домой возвращался поздно. Шёл не спеша. Да и куда ему было торопиться! Ведь дома его никто не ждал. Вдруг он услышал крик девушки:

– Хулиганы! Вы что делаете?! А ну, убирайтесь отсюда!

Селим посмотрел в ту сторону, откуда доносился голос, и увидел во дворе двухэтажного дома трёх парней. Они топтались по клумбе и обрывали розы.

– Иди-ка сюда, красоточка, – сказал заплетающимся языком один из них. – Мы тебя... – И похабно выругался.

Селим, не раздумывая, бросился к парням. Они были пьяны, и он легко справился со всеми троими. После небольшой потасовки парни разбежались.

Селим подобрал брошенные ими розы, подошёл к девушке, всё ещё стоявшей у подъезда.

– Это вам за храбрость, – сказал он, протягивая ей цветы.

– Мне?.. За храбрость?.. – улыбнулась девушка. – В чём же моя храбрость?

– Ну, как же, не дрогнула перед хулиганами. Не убежала...

– О нет! Это вы проявили храбрость. Не испугались, хотя их было трое. Один против троих! Настоящий рыцарь! Я видела, как ловко вы с ними разделались. Так что эти розы по праву принадлежат вам. Возьмите их на память. – Она помолчала и, улыбнувшись, добавила: – От меня.

Они стали встречаться. Почти каждый вечер проводили вместе. Ходили в кино, на танцы... Фарида приглашала иногда Селима к себе домой, играла ему на рояле – она училась на последнем курсе в музыкальном училище.

Селим полюбил Фариду. Видел, что и она не безразлична к нему. И вот теперь... Как же всё объяснить ей? Нет, пока

Марина не покинет их дом, он ничего не скажет Фариде. Но когда она уедет? Да и уедет ли? Ведь он сам сказал ей: «Зачем же уезжать. Оставайся...»

Единственный выход – не появляться сейчас в своём доме, быть всё время на глазах у Фарида. А месяца через два, выбрав удобный момент, всё ей рассказать. Фарида – неглупая девушка и сразу поймёт, что он чист перед ней. Доказательства? Пожалуйста. Ребёнок родился три года назад, когда они ещё не знали друг друга. Сейчас никаких связей с Мариной он не имеет. Уже столько времени она находится в их доме, а он ни разу не навестил её, был всё время с ней, с Фаридой... Да, так и следует поступить.

Селим перевёл взгляд с ковра на окно. Небо на востоке уже слегка порозовело. Селим оделся и, выключив настольную лампу, вышел из кунацкой.

– Ты что, сынок, не спишь? – спросила его Зухра, выглянув из кухни.

– А ты почему так рано встала?

– Не могу уснуть, мне кажется, что все в доме лишились сна и покоя с того самого дня, как приехала она. – Зухра кивнула на дверь комнаты, в которой находилась Марина с ребёнком.

– Ну, ты преувеличиваешь, мама. Разве она или маленький Амир мешают тебе?

– Не мешают, сынок. Не в этом дело... Но не нужны они здесь. Зачем старик пригласил их?..

– Как зачем? Сын-то ведь мой.

– Я против внука не возражаю. Он хороший мальчик и на тебя очень похож. А её зачем? Не подходит она тебе.

– А я и не собираюсь на ней жениться. У меня есть другая.

Зухра всплеснула руками:

– Другая!.. Неужели опять иноверка?..

– Нет. Но если бы даже и была иноверка, я всё равно женился бы на ней. Кто какому богу поклоняется, мне безразлично.

– Как это безразлично?

– А вот так. Знаешь, сколько я за годы войны съел сала, свиного бекона? О-го-го! Так что рай для меня всё равно закрыт.

Зухра всхлипнула, покачала осуждающе головой. Селим подошёл к матери, обнял за плечи.

– Ну что ты, успокойся. Я ведь просто пошутил. Собери мне лучше что-нибудь в дорогу.

– А ты разве уезжаешь?

– Да, прямо сейчас. Меня с работы отпустили лишь на один день.

– А как же отец?

– Что отец? Проведал его. Слава богу, жив, здоров.

– А с ней как же быть?

– Не знаю. Мы виделись, поговорили. Я дал ей понять, что она мне не нужна, сказал, что люблю другую.

– О, Аллах! Весь аул только и говорит о ней да о нас.

– Не обращай внимания, на то людям и даны языки.

– Но ведь стыдно...

– Почему стыдно? Разве мы что-нибудь украли? Совершили преступление?

– Всё равно нехорошо как-то получается. Ты был таким завидным женихом. А теперь...

– А что теперь? Холостой мужчина всегда завидный жених.

– Ты шутишь, сынок. А нам каково?

– Ничего, мама, всё обойдётся. Ты только не обижай Марину. Она неплохая женщина. Если бы я хоть немного любил её, обязательно женился на ней. А без любви... Зря отец старается.

– Да разве можно такую любить... И как это удалось ей соблазнить тебя на фронте, не понимаю.

Селим ничего не ответил. Взяв кружку и ведро с водой, он вышел во двор, разделся до пояса, умылся. Чтобы окончательно разогнать сон, оставшуюся воду вылил на голову. Вернувшись на кухню, положил в портфель свёрток с едой, обнял мать.

– Ну, я пошёл. Счастливо оставаться!

Зухра молча проводила его до ворот.

Амир-Ашраф заснул лишь на рассвете и чуть было не проспал утреннюю молитву. Его разбудила Зухра, внеся в комнату кувшин и таз с водой. Совершив омовение, Амир-Ашраф торопливо вышел из дому.

Вернулся он из мечети быстро – на годекан не заходил. Уединившись в своей комнате, стал обдумывать предстоящий разговор с Селимом.

– Подать чай? – спросила Зухра, приоткрыв дверь.

Амир-Ашраф всегда по утрам пил калмыцкий чай. Но на этот раз от чая отказался.

– Не надо. Селим встал?

– Встал. И давно уже уехал.

– Уехал?!

– Да. Ему надо быть на работе.

– Как же так?.. Не поговорив, не попрощавшись с отцом? – сердито произнёс Амир-Ашраф. – Ну, ничего, я сам поеду к нему!

Марина тоже поздно встала в это утро. Лицо её было бледным, глаза воспалены – она не спала почти всю ночь.

Зухра уже успела подоить корову и буйволицу – Марине оставалось лишь убрать в хлеве, покормить кур, подмести во дворе. Делала она всё это автоматически, надеясь за работой отвлечься от гнетущих мыслей. Любовь к Селиму, притуплённая временем, после ночного разговора с ним вспыхнула в её истерзанной горем душе с новой силой.

Вернувшись из кунацкой в свою комнату, Марина сжала голову руками и прижалась горячим лбом к холодному оконному стеклу. «Всё, он любит другую... Никаких надежд не осталось. Мрак в комнате, мрак за окном, мрак в душе... Зачем жить, если ничто не радует вокруг?.. Да, я стала рабыней

своих чувств и ничего не могу поделать с собой. У меня уже нет сил бороться со своей любовью... А ребёнок?.. Как же я забыла о нём? Нет, надо жить! Жить ради сына!..»

Марина долго не выходила из своей комнаты – боялась встретиться во дворе или в доме с Селимом.

Настроение у всех в этот день было мрачное, подавленное. Каждый занимался своим делом молча.

Днем Марина немного успокоилась. Она всегда была грустной. А теперь к этой грусти прибавилась ещё и какая-то мягкая покорность. Весь день она занималась домашней работой. Стирала бельё, готовила обед. Вычистила валявшиеся в чулане медные котлы, и они засверкали в лучах солнца.

Вернувшись с базара, Зухра набросилась на мужа:

– Что ты наделал? До чего довёл нас?! Хоть на улицу не выходи!..

– Объясни толком, что случилось? – спокойно спросил ее Амир-Ашраф.

– О, Аллах! Как будто ты не знаешь, что случилось! Все смеются над нами: мулла привёл в дом свинарку, из её рук еду принимает, а потом за Коран берётся...

В комнату вбежал Амирчик; забравшись к деду на колени, он со страхом стал смотреть на бабушку.

– Перестань кричать, внука испугаешь! – сердито топнул ногой Амир-Ашраф.

Но Зухра не унималась:

– Ты только и думаешь о ней. А меня, детей своих совсем

не замечаешь. Когда она уедет? У меня уже нет сил терпеть её в доме. Пусть поскорее убирается к своим свиньям!..

Амир-Ашраф встал, отвёл внука к Марине. Вернувшись в свою комнату, схватил стоявший у двери посох.

— Значит, хочешь, чтобы она поскорее убралась к своим свиньям?! Ах ты, карга старая!..

Марина слышала в своей комнате разговор Амира-Ашрафа с женой. И хотя не понимала, о чём они говорят, чувствовала, что скандал в доме возник снова из-за неё.

Амирчик просился в комнату к бабушке, но Марина не пустила его. Когда совсем стемнело, она покормила сына, уложила спать.

Не зажигая света, Марина сидела на кровати рядом с уснувшим сыном и, скрестив руки на груди, смотрела в окно. Покрытые снегом вершины гор с покатыми склонами казались ей волнами огромного каменного моря. Марина испуганно поёжилась от мысли, что вот сейчас этот тяжёлый, каменный вал накроет её с головой, спрячет навсегда в своей пучине.

Она встала, распахнула окно, подставила лицо прохладному горному ветерку. Постояв немного у окна, разделась, легла на кровать рядом с сыном. Закрыла глаза и представила луга, перелески, разбросанные по берегам красавицы Оки. Вспомнила свои детские и девичьи годы.

Рязань, Россия... Всё осталось там: и добрые соседи, и по-

други, и могилы матери и бабушки... Зачем она приехала сюда? Зачем?.. Чтобы сын увидел отца? Увидел дедушку, бабушку, тётю, дядю?.. Увидел. И они полюбили его. Ну а что дальше? Как быть ей?.. Что приобрела здесь она? Селиму не нужна. Зухра и Умму сторонятся её. Правда, Амир-Ашраф заботится о ней как о дочери и не даёт в обиду. Но ведь этого мало. Нет, надо поскорее уезжать отсюда.

Права была соседка бабка Ульяна, сказавшая на прощанье: «Зря покидаешь, милая, родной уголок. Ведь дома и стены помогают». Как там живётся ей? Совсем одна. Ни сыновей, ни внуков. Всех забрала война... А как поживают подруги? Всё так же собираются по вечерам на берегу Оки? Веселятся, поют песни. Может, и замуж кто-нибудь за это время вышел... Почему же она до сих пор никому не написала письмо? А о чём писать? Что хорошего может она сказать землячкам о своей жизни?.. А правду писать стыдно...

Вспомнились прощальные слова председателя колхоза Степана Егоровича:

– Ты, Маринка, езжай за своим счастьем, коли надеешься его найти. А ежели что не так, возвращайся немедленно, такие работницы, как ты, нам всегда нужны. Не забывай, где ты родилась, где сделала первый шаг по земле...

Да, надо возвращаться в свою деревню. Ничего, как-нибудь проживут с Амирчиком. Подруги помогут, в беде одну не оставят...

Придя окончательно к такому решению, Марина сомкну-

ла веки. И наконец уснула.

Но спала она недолго. Едва забрезжил рассвет, встала. Оделась. Хотела было, как всегда, пойти подоить корову, буйволицу, убрать в хлеве и во дворе, но передумала. Стараясь не разбудить сына, сложила в чемодан свои и его вещи, села на кровать и стала прислушиваться к шагам в доме. «Это пошла по воду Умму... А это Зухра взяла ведро и отправилась доить корову... Снова шаги Умму... Принесла воды. Сейчас растопит печь и заварит зелёный калмыцкий чай...»

По утрам все в доме пили этот чай с овечьим сыром и сливочным маслом. Пила его и Марина. В первые дни она никак не могла привыкнуть к этому солёному, жирному чаю, разбавленному молоком буйволицы и приправленному мускатным орехом. Но постепенно привыкла, и теперь он казался ей очень вкусным, сытным и бодрящим. «Шаги Керима... Пошёл в комнату отца... Вот шаги Умму... Понесла им палы с чаем...»

Мужчины в доме ели отдельно, в комнате Амира-Ашрафа, а женщины – на кухне. Через некоторое время снова слышались шаги Керима. «Отправился на работу, – поняла Марина. – А это Амир-Ашраф, постукивая посохом, торопится в мечеть...»

– Пора, – прошептала Марина.

Она наклонилась над сыном, разбудила его. Сонный Амир, щурясь от ярких лучей солнца, протянул к ней ручон-

ки. Марина не спеша одела его, потом начала убирать постель.

Амирчик выбежал в коридор, направился к комнате деда. Не найдя его там, пошёл на кухню. Умму усадила его за низенький столик, стала кормить.

Когда Марина, держа в руке чемодан, вошла на кухню, Зухра и Умму удивлённо уставились на неё.

– С добрым утром, – тихо сказала Марина и, не дожидаясь ответа, добавила: – Я уезжаю. Прощайте!

– Куда? – Умму отставила пиалу с чаем, из которой поила племянника.

– Домой, на родину, – грустно улыбнулась Марина.

– Домой?

– Да, в свою деревню.

– Зачем?

– Жить там буду, на работу вернусь...

– А сынок? – Умму нежно погладила племянника по головке.

– С собой заберу. Не оставлю же я его здесь. Сын – это моя единственная радость.

Зухра, не знавшая русского языка, не понимала, о чём говорит с дочерью Марина, но, видя в руке её чемодан, догадалась, что она покидает их дом.

Зухра растерялась, не знала, что ей делать, что сказать на прощание.

– Садись, поешь перед дорогой, – кивнула Умму на стол.

– Спасибо. Не хочу. Да и некогда. Надо торопиться, чтобы успеть на попутную машину. – Марина вздохнула. – Простите, если что не так... Я старалась, но... Передайте моё спасибо отцу за хлеб, соль, за заботу обо мне... Я напишу вам, как доберусь до дома.

И Зухре, и Умму стало вдруг жаль Марину. Но ещё больше им стало жаль маленького Амира, к которому они уже все привыкли, которого полюбили.

– Может, подождёшь папу? Попрощаешься с ним... – тихо произнесла Умму.

– Нет. Я боюсь прощаться с ним, боюсь, что не выдержу, заплачу и... Нет, так будет лучше. Он всё поймёт и не осудит меня. Я никогда не забуду его. Пусть в гости к нам приезжает. Ему понравится в нашей деревне. У нас люди хорошие, такие добрые, как ваш папа.

Марина поставила чемодан на табурет, протянула руки к сыну. Амирчик, бросив деревянную ложку на стол, подбежал к ней:

– Пойдём гулять? Да, мама? Гулять?..

Марина подхватила сына, прижала его к груди правой рукой, в левую взяла чемодан.

– Да, Амирчик, мы пойдём гулять. Покатаемся сначала на машине, потом на поезд сядем. Помаши бабушке и тёте ручкой. Скажи им «До свидания».

Амирчик обнял мать за шею и, повернув головку к Зухре и Умму, громко, на весь дом, крикнул:

– До свидания!

– Прощайте... мама, – прошептала Марина.

Слово «мама» она произнесла надрывно, с болью. С того дня, когда погибла её родная мать, она никого ещё так не называла.

Сердце Зухры дрогнуло. Протерев рукавом повлажневшие глаза, она подошла к Марине, поцеловала её в щёку, затем так же молча поцеловала внука и выбежала из кухни.

Умму проводила Марину до калитки.

– Пиши нам... Не забывай... – сказала она дрогнувшим голосом на прощание.

После утренней молитвы Амир-Ашраф направился к Али-Султану.

Старый партизан окапывал в саду яблони.

– О, брат мой! – воскликнул Али-Султан, увидев друга. – Рад встрече с тобой! С чем пожаловал? Почему такой печальный?

– Как же мне не печалиться, если жизнь переполнена неприятностями, – вздохнул Амир-Ашраф. – В доме стало как в аду. Вконец взбесилась моя старуха. Днём и ночью одно на уме: зачем приютил свинарку в доме. Говорит, что весь аул смеётся надо мною. Вот я и пришёл к тебе, Али-Султан, чтобы выяснить: откуда стало известно людям о том, что Марина работала свинаркой? Ведь об этом знали ты, я и Селим. Селим не мог никому сказать. Значит, распустил слух кто-

то из нас двоих.

– Брат мой, неужели ты думаешь, что это дело моего языка?

– Я верю, что никому из посторонних ты об этом не говорил. Но ты мог поделиться нашей тайной со своей Набат.

Али-Султан задумался, припоминая, говорил ли он жене о том, что Марина работала в деревне свинаркой или нет.

– Быть может, и моя вина в том есть, – пожал плечами Амир-Ашраф. – Надо было ещё раз предупредить тебя о нашем уговоре: жене – ни слова. У женщин всегда язык работает лучше, чем голова. Ты ведь знаешь старую притчу о том, что разум человеческий каждое утро в момент пробуждения обращается с мольбой к языку, чтобы он поменьше двигался и больше держался за стиснутыми зубами: из-за чрезмерной подвижности языка страдать потом приходится голове. Разумный муж не должен доверять жене сокровенные тайны. Не зря говорят: муж должен выслушать жену и сделать всё наоборот. Стоит жене рассказать о чём-нибудь хотя бы одной своей приятельнице, как об этом тут же узнает весь аул.

Али-Султан развёл руками:

– Прости, брат мой, возможно, я и проболтался жене. Ты же знаешь мою Набат. Если захочет что-нибудь выведать, так приластится, что и не заметишь, как самое сокровенное вытянет из твоей души. Но мне казалось, что ничего тайного в этом давно уже нет. Ведь всё раскрылось само собой, и ничего плохого в твоём поступке я не вижу.

– Я был уверен, что совершаю доброе дело. И теперь не сомневаюсь в этом. Но почему всё оборачивается против меня? Почему люди осуждают меня? Почему даже моя старуха не хочет понять меня? – с горечью произнёс Амир-Ашраф.

– Не обращай внимания на это. Те, что сильнее нас разумом, всё поймут, те, кто мыслят так же, как мы, не осудят, и только глупцы могут причинить неприятности.

Когда Амир-Ашраф беседовал с Али-Султаном в саду, Марина с сыном подошла к дороге, ведущей в город, и стала ждать попутную машину.

Едва Амир-Ашраф ступил на порог своего дома, как из двери выскочил встревоженный Керим.

– Марина ушла! – крикнул он.

– Что такое ты говоришь? Куда ушла? – не понял сына Амир-Ашраф.

– От нас ушла. С сыном Амиром. Решила уехать.

– Кто тебе сказал?

– Мать.

– Когда же она ушла? – заволновался Амир-Ашраф.

– Недавно. Я пришёл с работы, чтобы потеплее одеться, и не застал их уже дома. Побегу, может, они ещё не успели уехать.

– Беги, сынок, побыстрее беги! Верни их! – крикнул Амир-Ашраф вслед Кериму и сам поспешил за ним.

Взобравшись на вершину холма, он облегчённо вздохнул.

Марина сидела с его внуком на огромном валуне, у доро-

ги, вьющейся под гранитной стеной. Рядом, на другом камне, стоял чемодан. Заметив бегущего дядю Керима, Амир соскользнул с колен матери и бросился ему навстречу. Подхватив племянника на руки, Керим подошёл к Марине, о чём-то заговорил с ней.

Амир-Ашраф, опираясь на палку, спустился с холма, направился к ним. Принял внука из рук сына и, прижав его к своей груди, сказал, переведя дыхание:

– Дочка, так не надо... Нехорошо... Я любит Амирчик... Амирчик мой внук... Ты наш дочка... Зухра дурной баба... Она станет хороший... Селим будет хороший папа. Керим хороший... Умму хороший... Идём домой...

Амир-Ашраф говорил так взволнованно, так проникновенно, что Марина не удержалась от слёз.

– Не плачь, – стал успокаивать её Керим. – Мама станет доброй. Скоро она привыкнет к тебе, и всё будет хорошо. Уверяю тебя. Пойдём домой, и больше так не делай.

– Нет, мне лучше уехать. Ну, кто я в вашем доме? Прижилка с ребёнком. Скандалы и ссоры из-за меня. Нет, я уеду. Не пропаду в деревне. А тебе и папе буду писать. Мы ведь родственники. Я никогда не забуду ваше тёплое отношение ко мне.

– Напрасно ты всё это говоришь. Отец не отпустит тебя. И не надо его обижать. Он не вынесет, сляжет снова.

Разве ты не видишь, что он теперь только внуком и живёт? Он сделает всё возможное, чтобы в доме воцарился покой.

Амир-Ашраф, прижимая к груди внука и опираясь на посох, направился к аулу.

Керим подхватил чемодан Марины:

– Пошли. Дома обо всём поговорим.

Марина, понутив голову, побрела следом за Керимом.

Войдя в дом, Амир-Ашраф опустил на пол внука, дал ему горсть леденцов и молча отправился в свою комнату. Вскоре он позвал к себе жену и дочь. Когда они вошли, Амир-Ашраф строго посмотрел на них и, потрясая посохом, сказал:

– Запомните: до тех пор, пока я буду жив, эта русская женщина, мать моего кровного внука, будет здесь пользоваться равными правами с вами. Если вы опять станете относиться к ней плохо, я оформлю дом, в котором мы все живём, на имя её сына, нашего внука, первого продолжателя моего рода. Это я сделаю независимо от того, будет с ней жить Селим или нет. И в любом случае Марина останется в моём доме на положении второй дочери. Я считаю, что она ничем не хуже самых лучших наших женщин. А теперь без всяких возражений идите, помня то, что я сказал. Болтовню уличную и сплетни бабские отныне оставляйте за воротами дома.

Зухра и Умму, не обронив ни слова, вышли.

Амир-Ашраф пригласил к себе Марину и сказал ей, что отныне она его вторая дочь, что теперь никто не посмеет обидеть ни её, ни ребёнка. И что он поможет ей найти своё счастье в жизни...

После этого события в доме Амира-Ашрафа воцарился

мир – хрупкий, ненадёжный, но всё-таки мир.

Глава пятая

Всевышний Аллах почему-то не захотел, чтобы послушный и преданный его раб мулла Амир-Ашраф жил в покое. И в один из дней пожелал, чтобы слепой муэдзин Хаджи-Муса задержал почтенного предводителя правоверных в мечети после очередного молебствия и рассказал ему о непристойных разговорах некоторых прихожан.

– Да простят меня всемогущий, вездесущий, всевидящий Аллах и его верный пророк Магомед, – сказал Хаджи-Муса, склонив голову. – Может, я беру великий грех на душу, решив омрачить твоё настроение. Но всякому смертному лучше огорчиться, узнав, кто его недруги, кто, отягощённый худшими из пороков, уклоняясь от добродетели, предаётся клевете, стараясь очернить чистого, нежели доверчиво смотреть этим людям в глаза.

Хаджи-Муса помолчал, потом заговорил снова:

– Третьего дня, засидевшись допоздна на годекане, я услышал слова, от которых зашлось моё сердце и одеревенели руки и ноги. Незрячий я, но душа у меня не слепа, а обострённый слух позволяет по одному произнесённому слову узнавать говорящего. Первым разговор, недостойный истинного мусульманина, начал небезызвестный тебе Чопан. Этот греховодник без зазрения совести разглагольствовал о том, что ты, Амир-Ашраф, приютил в доме иноверку с неза-

коннорождённым ребёнком, что, угождая им всем, ты всяко притесняешь своё семейство и что на тебя надо заявить в милицию...

Вслед за Чопаном начал свой тайный суд Абдулла. Тот самый Абдулла, на месте которого я бы стеснялся смотреть людям в глаза. Он говорил, что ты как мулла не должен прикасаться к неверному дитю, так же, как к собаке, а коли коснулся, должен совершить омовение лица, рук и скверных мест, а перед приходом в мечеть, так же как после близости с женой, подвергнуть тело своё очищению от грехов, окунувшись в воды куллы². Слышал бы ты, почтенный мулла, с каким презрением говорил он, что русская женщина, которую ты приютил в своём доме, не просто иноверка, а худшая из них – свинарка.

И кто, ты думаешь, присоединился к голосам Чопана и Абдуллы? Рыжий Гамзат. Он сказал: «А что будет, мусульмане, если следом за этой девкой пригонят приданое – стадо свиней?!»

Эфенди с Пулатом тоже недостойно вели себя. Они говорили, что ты выжил из ума, что принуждаешь старшего сына сойтись с этой нищей женщиной. Кто-то из молодых, кажется, сын заведующего фермой Сулеймана, попытался вступить за тебя. Но эти старые волки зарычали на него и прогнали с годекана.

² Кулла – закрытое помещение с широким колодцем, в котором купаются – очищаются от грехов – мусульмане в любое время года.

Я не встал на твою защиту. Не поднял голос против несправедливости и неверного суда. Не хватило сил. Да и какие силы могут быть у слепца? Мне надо особенно остерегаться злых людей. Каждый из них может обидеть меня. Прости меня, почтенный мулла. Прости моё слабодушие. И пусть Аллах отнимет язык мой, как отнял глаза, если из уст моих вылетело хоть одно лживое слово.

Амир-Ашраф долго сидел молча, понутив голову. Люди, к которым он был всю жизнь добр, кому прощал все их грехи, вдруг открылись для него с другой стороны.

Он не усомнился ни в одном слове муэдзина. Да и всё, что сказал ему Хаджа-Муса, он уже слышал от Зухры.

– Я верю тебе, – поднял наконец голову Амир-Ашраф. – Благодарю за то, что помог мне узнать, кто мои недруги. Да продлит Аллах твои мирные годы! Да будет тебе тепло от любящих сердец родных и близких! Пойдём, я провожу тебя. – Он встал, взял слепого муэдзина под руку.

Зухра, открыв мужу дверь, недовольно покачала головой:
– Где же ты так долго был? Опять на годекане засиделся? Еда остыла.

– Мало ли где я могу задержаться, – буркнул Амир-Ашраф, проходя в свою комнату. – А есть я не хочу.

Зухра удивлённо посмотрела ему вслед.

Вскоре пришёл Керим.

Зухра молча поставила перед сыном миску с творожными

лепёшками.

– Отец спит уже? – спросил Керим.

– Нет ещё. Тоже только что явился. От еды отказался.

Опять чем-то расстроен.

Керим быстро съел несколько лепёшек, густо смазанных сливочным маслом, и направился в комнату отца. Тихо открыл дверь.

– Отец, может, чаю выпьешь?

– Нет, сынок, ничего не хочу. Лучше спать лягу. Что-то голова у меня разболелась.

– Давай я принесу порошок от головной боли.

– Не надо. Ты же знаешь, что я не люблю порошки.

– Ну, тогда спокойной тебе ночи.

– И тебе, сынок, спокойной ночи.

Амир-Ашраф разделся, погасил свет, лёг в кровать.

Перед его глазами начали возникать одно за другим лица Гамзата, Чопана, Абдуллы, Пулата, Эфенди...

«О, великий Аллах, – зашептал Амир-Ашраф, – как жаль, что ты ущемляешь некоторых рабов Своих в разуме и тем самым способствуешь пробуждению зла в их слабых сердцах».

Нет, не жажда мести терзала чувствительную душу Амира-Ашрафа, а благородный гнев человека, который не позволяет не только словом, но даже намёком или взглядом унижить своё достоинство. Он знал, что не одни седоглавые прихожане, о которых рассказал Хаджи-Муса, но и другие аульчане осуждают его. Да что аульчане. Собственная жена и сын

Селим не одобряют его поступка.

«Неужели они не понимают, что я совершаю доброе дело, что я пойду на всё, но не отступлюсь от своего намерения? Нет, я никому не позволю чернить моё имя! Я тоже устрою суд над потерявшими совесть греховодниками. Но не тайный, а открытый! Пусть знает весь аул истинное их лицо!..»

В этот день Амир-Ашраф встал, как всегда, рано. Быстро оделся, умылся и, не попив даже своего любимого калмыцкого чая, покинул дом. Но пошёл не в мечеть, а на южную окраину аула, где сакли, нависая друг над другом, поднимались к вершине горы.

У ворот одного из домов остановился, постучал в калитку палкой. Это был дом Кадыра – сельского глашатая.

На стук раннего гостя вышел сам хозяин. Увидев муллу, спросил любезно:

– Чем могу быть полезен, почтенный Амир-Ашраф?

– Услуга необременительная, брат мой Кадыр. Собери, пожалуйста, в мечеть верующих и неверующих мужчин, свободных от неотложных дел. Объяви, что мулла хочет сделать важное сообщение.

– Хорошо, – кивнул Кадыр.

Когда Амир-Ашраф ушёл, он поднялся на крышу своей сакли и во весь голос закричал:

– Внимание, люди! Слушайте меня! Почтенный наш мулла просит всех мужчин, свободных от неотложных дел и хво-

ри, сейчас явиться в мечеть на сход! Им будет сделано важное сообщение! Внимание, люди!... – Кадыр несколько раз повторил слово в слово сказанное.

Женщины тут же стали будить мужей, сыновей. Была пятница. В этот поминальный день все верующие, оставив будничные хлопоты, молились в мечети. Поминали усопших.

– Что случилось?

– Зачем мулле понадобился этот сход? – спрашивали друг друга встречные.

Вскоре мужчины, старые и молодые, гуськом потянулись к мечети.

Амир-Ашраф от глашатая Кадыра сразу же отправился в мечеть.

В это утро муэдзин Хаджи-Муса не поднялся на минарет – он понял, что его рассказ встревожил душу муллы и тот что-то затевает. Он так разволновался, что едва нашёл в себе силы пойти в мечеть.

Мечеть была переполнена. Белобородые старцы заняли места поближе к мулле. Остальные мужчины толпились позади них.

Когда Амир-Ашраф встал, в мечети сразу же воцарилась тишина.

– Хвала Аллаху, первому пророку Магомеду и всем святым апостолам и ангелам, не щадящим себя для дел Господних, – заговорил тихо Амир-Ашраф. – Мир и покой рабам Божьим, избравшим стезю веры, правды и добродетели. Я

призвал вас, собратьев своих, на открытый суд, не в силах дожидаться дня, когда Аллах сотворит Свой самый высший справедливый суд.

Каждый из вас, кто присутствует здесь, и те, кто отсутствуют, убелённые сединами и молодые, знают меня, так же как я каждого, ибо жизнь наша протекает на виду друг друга. Все вы знаете, что я был верным слугой Аллаха и жертвовал собой во имя спасения душ заблудших. До сих пор мне казалось, что несу я честь свою и совесть по нелёгкому пути жизни незапятнанной. Тому же учил я своих близких и всех, кто нуждался в таком поучении. Я люблю свой народ, терпимо отношусь к иноверцам, милосерден ко всем живым тварям, ибо к этому меня призывали мудрейшие. Помню, в годы отрочества я часто задумывался: зачем Аллах сотворил неверных и заселил ими бескрайние просторы Вселенной? Этот вопрос вставал передо мною не раз, и потому, будучи муталимом³, я задал его почтенному алиму – богослову. И вот что услышал из его уст:

«Когда род людской, берущий начало от Адама и Евы, размножился и достиг умственного совершенства и возвышения над тварями, на Земле начался хаос. Человек, обуреваемый страстью познаний, стал стремиться к проникновению в небеса, в недра земные, в глубины водные. Стал превращать в рабов себе подобных. Толпы людей, словно чёрные тучи, носились по земле, превратив её в арену грабежа, насилий и

³ Муталим – ученик медресе.

разврата. Научившись изготавливать одуряющие напитки, затуманивающие сознание, люди денно и нощно предавались оргиям. На захваченных землях, употребляя вместо сосудов черепа врагов своих, а вместо вилок – их источённые кости, они устраивали среди крови и дыма позорные пиры.

Видя, что чёрная тьма начинает окутывать землю, а злой дух править миром, Аллах разделил человечество на два лагеря. Людей, любящих труд праведный, чистых душой, он сделал правоверными. А предающихся разбою, блуду и лени – проклял и назвал их гяурами – неверными. И возликовали правоверные, и предались бесконечному плачу те из неверных, которые случайно оказались в лагере проклятых. Тогда Аллах послал к тем и другим своего Пророка, который стал перед ними и сказал: «Вы, правоверные, не ликуйте прежде времени, ибо есть и будут среди вас слабые грешники. А вы, неверные, не предавайтесь горю и отчаянию, если идёте путём Божиим. На страшном суде, – Амир-Ашраф указал рукой на небо, – Аллах положит на чашу весов ваши земные деяния и скажет, кто из вас правоверный, а кто гяур. И тому, кто был чист душой, кто был разумом выше гадов, зверей, животных и всяких тварей, нетрудно будет пройти по тонкому, как лезвие ножа, мосту, переброшенному через ад к чертогам Рая».

– С того дня, как я услышал рассказ почтенного алима, я стал одинаково относиться и к неверным, и к правоверным, потому что среди тех и других есть истинные люди с чистой

душой и чистыми помыслами и есть погрязшие в грехах, способные причинить зло ближнему.

В доказательство справедливости слов моего учителя я приведу примеры, охарактеризовав некоторых мусульман. Возьмём Чопана. – Амир-Ашраф кивнул в сторону короткошеего, с багровым, одутловатым лицом старика. – Ему ли обвинять кого-либо в неблагоприятных деяниях, не посмотрев на себя?

Чопан тут же встрепнулся, покраснел и испуганными глазами уставился на Амира-Ашрафа.

– Смотрите, чем не раб Аллаха? Тихий, с вкрадчивым, елеиным голосом и вроде бы не лишённый стыда, – продолжал Амир-Ашраф. – Чопан возмущается тем, что я привел в свой дом иноверку, русскую женщину, считая её недостойной нашего общества, потому что она работала свинаркой. А я хочу этому правовеерному мусульманину напомнить тяжёлые годы войны. Помнишь, Чопан, когда в твою яму, вырытую тобой и замаскированную на приусадебном участке, засеянном кукурузой, осенью попал кабан? Тогда ты своими руками разделал тушу проклятого Аллахом и запрещенного учением Пророка животного. Мясо продал русскому человеку из города. Но не всё. Часть оставил себе. И тайно от людей, глубокой ночью, жарил из свинины шашлык и ел. Ты, наверное, думал, что люди не знают об этом? Но как было не догадаться тем, кто месяцами не брал в рот свежего мяса, кому не изменило обоняние и кто мог ещё отличать запах

жареного мяса от кизячного дыма? А ведь в те дни в ауле никто не резал ни бычка, ни барана. Но когда тайна твоего греха разнеслась по аулу и дошла до меня, я не заставил тебя окунуться в куллу, чтобы смыть грех, прежде чем переступить порог мечети. Больше того, я запретил аульчанам говорить об этом, пожалев тебя как слабого, не устоявшего перед соблазном – силой голода.

Амир-Ашраф перевёл дыхание и продолжил свою обвинительную речь:

– Теперь я хочу обратить ваше внимание на Абдуллу...

Все присутствующие тут же повернули головы в ту сторону, где сидел худощавый старик, с белой бородкой клинышком, коротко подстриженными усами и немного перекошенным лицом.

– Ты, Абдулла, не обижайся за правду, но я вынужден сказать при всём народе, что ты лишь на склоне лет приобщился к истинным мусульманам. В царские времена, когда был молод и здоров, ты многие годы жил в городе. И там вёл себя не как скромный горожанин-труженик, а как бездельник-забудыга. Женился на одной из несчастных дочерей христиан. И, несмотря на то что она одарила тебя тремя детьми, продолжал предаваться блуду и пьянству, унижая своё достоинство и причиняя ущерб семье. Ты допился до того, что тебя видели валяющимся на земле у дверей духана. Это проклятое Аллахом питьё довело тебя до того, что у тебя отнялась правая рука. Тогда ты, немощный, вернулся к очагу предков и

связал свою судьбу с убогой, глухой, одинокой родственницей, которая ухаживала за тобой. И, лишь дойдя до такого состояния, ты вспомнил Аллаха и предался молитвам во избежание очередной кары Того, кто карает беспощадно. Я не осуждал тебя, как другие, я помогал тебе искать утешение в молитвах. Так почему же ты осуждаешь меня за то, что я поделился кровом и хлебом с женщиной, подарившей мне внука-первенца?..

Амир-Ашраф взял медный кувшин, сделал несколько глотков, отдышался и посмотрел на длинноусого старика, выпученные глаза которого тут же забегали по сторонам, не выдержав его пронзительного взгляда.

– Дошёл и твой черёд, Гамзат. И ты не безгрешен. Осуждаешь меня. А тебе ли вести речь о соблюдении нравственности?.. Как же ты забыл о своём поведении в недавние времена? Хотя голова твоя уже была убелена сединой и, казалось бы, должна была быть умудрена знаниями жизни, ты продолжал грешить. Ты, человек, давно связанный с женой обетом супружеской верности, в первые же дни войны, когда мужчины моложе тебя отпустили траурные бороды, сбрил свою бородку, усы и, как старый кочет, начал поглядывать на молодок, годных тебе в дочери. И не просто поглядывал, а под покровом тьмы проникал в сакли вдов и предавался блуду. И это в дни всенародной скорби!.. И ещё я хочу напомнить тебе тот вечер, когда застал тебя в кунацкой жены одного воина. Пришёл я тогда не по своей воле, а по слёзной просьбе

матери солдата, которая хотела уберечь от позора очаг своего сына. Я запретил той несчастной женщине говорить кому-либо о поведении падшей невестки и тебе пригрозил, что если и дальше будешь заниматься прелюбодеянием, то предам открытому суду общества. И вот теперь я делаю это. Я правду изрекаю или нет? Можешь возразить?..

Рыжий Гамзат молчал, опустив голову.

Амир-Ашраф перевёл взгляд на двух хорошо одетых стариков, важных на вид. Они занимали места в первом ряду. Взгляд муллы не смутил ни Пулата – бывшего бухгалтера колхоза, ни Эфенди – отставленного от дел председателя колхоза. Это были отцы семейств, чьих очагов не коснулась нужда даже во время войны.

– Плохо, когда нашим детям и внукам приходится стыдиться за непристойные дела родительские, – вздохнув, заговорил снова Амир-Ашраф. – Но во сто крат хуже, когда родители делают вид, что не несут никакой ответственности за поступки чад своих.

– Что ты хочешь этим сказать? – выкрикнул Пулат.

– То, что я хочу сказать, ты услышишь сейчас, – спокойно ответил Амир-Ашраф.

Эфенди тоже хотел было подать голос, но прихожане зашумели:

– Тише!

– Не перебивайте!

– Дайте мулле возможность высказаться!

Когда шум утих, Амир-Ашраф заговорил снова:

– Помните начало последней войны? Все, кто мог держать оружие, ушли на фронт. Только двое из молодых – ваши сыновья – были оставлены по брони. И никто не желал их отправки на фронт. Люди рады были тому, что хоть двое из молодых мужчин оставлены в ауле. Быть может, кто-нибудь из несчастных матерей и завидовал, но без зла. Не только мужчин, ни одного приличного коня не осталось в ауле. Но мы не жалели ничего, всё готовы были отдать ради Победы. И отдавали. Отдавали ценности, деньги, ковры, сбрую, сёдла, одежду и съестные припасы. В фонд обороны пошли и старинные ковры нашей мечети. Народ отдавал всё. А вы и ваши сыновья разве были честны до конца? Отвечу сам на свой вопрос – нет!

Не в твоём ли доме, Пулат, до сих пор висит один из турецких ковров, специально вытканый для мечети? Уж кто-кто, а я-то помню каждый из тех ковров.

Не твоя ли невестка, уважаемый Эфенди, продавала пожертвованные для фронта черкесские сёдла с серебряной оправой в соседнем ауле в базарный день? Не в ваших ли погребах остались мешки с вяленой бараниной и фруктами, которые народ собрал для посылок фронтовикам?.. К великому сожалению, некоторые люди думают, что, раз им доверили хоть маленькую власть, значит, они умнее других, а потому и преград для их позорных действий не существует... Они забывают, что от людских глаз и ушей нельзя скрыть

свои грязные дела. Да, до вас в те дни не дошёл ропот людской, и вы подумали, что никто ничего не узнал.

Но вы ошиблись. Многие из простых колхозниц обратились ко мне за советом: какие меры предпринять против вас и сынков ваших? Они хотели ехать в райцентр с жалобой, но я удержал их, сказав: «Не делайте этого. Кто же будет пахать землю, кормить аул?.. Все ведь мужчины на фронте...» И женщины послушались меня.

Но почему же вы, люди состоятельные, не ущемлённые Аллахом, таите в сердцах своих ничем не объяснимое зло против меня, против моей невестки, которая не сделала вам ничего плохого? Почему вы осуждаете труд свиарки? Если Аллаху было угодно создать свинью, значит, оно нужно людям. Мы едим мясо баранов, коров и буйволов, а они едят свинину. Какой же грех в этом? Вот Гамзат сказал, как бы, мол, русская невестка не принесла вместо приданого в мой дом поросят. Конечно, всякий расчётливый человек предпочтёт, как ты, Пулат, привести в дом невестку с тремя буйволами. Я же решил довольствоваться нищетой своей невестки и считаю, что до этого никому не должно быть дела...

Амир-Ашраф помолчал, теребя седую бороду, потом снова заговорил:

– Все вы, названные мной, заметно преобразились за последние годы. На каждом из вас рубаха из тонкого сукна и дорогая папаха из бухарского каракуля. Но это внешне. А душа осталась такой же, какой была...

– Почтенный мулла, не слишком ли ты много позволяешь себе, учиняя нам позорное судилище? – выкрикнул возмущённый Пулат.

– Нет, – спокойно ответил Амир-Ашраф, – я не сужу, а только пытаюсь оправдаться перед людьми, сравнивая некоторые грехи ваши с тем деянием, которое совершил я, не спросив никого. А судьёй вашим пусть будет наш народ и сам Аллах!

– В чём же ты ещё можешь обвинить нас, божий золотник? – с ухмылкой спросил Эфенди.

– Могу, если хотите, обвинить вас и ещё кое в чём.

– В чём же конкретно? – крикнул Пулат.

– А хотя бы в том, что вы, приобщившись к служителям мечети, обираете сирот и вдов.

– Объясни, как мы обираем людей?

– А так. Прочитав возле умершего или у могилы заупокойную молитву, требуете оплаты... Среди прихожан прошел ропот.

– Мы не требуем и не просим, но и не отказываемся, если дают, – сказал Эфенди.

– Да, конечно, сами вы не просите, но зато завели припешников, которые подсказывают людям, что каждого из вас надобно отблагодарить, и не только словами.

Каждому из вас преподносят узел с материей, сахар, рис, печенье и конфеты. Кто ввёл в нашем ауле такой обычай? Насколько мне помнится, во времена наших отцов и дедов

такого не было...

Вот ты, Эфенди, у вдовы покойного Дауда за семь дней коротких молитв у свежей могилы выгреб из кармана семьдесят рублей – по десять рублей в день. На каком основании?

– Но ведь такой порядок заведён муллой и муфтием городской мечети, – пожал недоумённо плечами Эфенди.

– Плохо делают городской мулла и муфтий. Истинные мусульмане не должны так поступать. Главы духовенства, которые занимаются стяжательством и нечестными делами, подрывают веру в Аллаха. К сожалению, не к истинной вере и добродетели тянется современное духовенство, а к богатству. Говорят, они там, в городе, на собственных автомобилях разъезжают, золотые перстни носят, дома у них, как ханские дворцы, коврами увешаны. Может, я и отстал от жизни, чего-то не понимаю, но я уверен: так слугам Аллаха жить нельзя.

– Да, да, мулла, сознание твоё помутилось. Мелешь ты Бог знает что, не думая, что за слова бездумные придётся отвечать. Есть милиция, есть суд! – злобно сказал Пулат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.